

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ
В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ**

Научный журнал

2014 / 1 (15)

Политические изменения в Латинской Америке
Научный журнал

№ 1 (15), 2014
Основан в 2006 году

Учредители:

Факультет международных отношений
Кафедра регионоведения и экономики зарубежных стран
Воронежского Государственного Университета

Редакционная коллегия

к.г.н. **И.В. Комов** (ВГУ)
доц., д-р ист. н. **М. В. Кирчанов** (отв. ред., ВГУ)
доц., к.и.н. **А. В. Погорельский** (ВГАСУ)
проф., д.полит.н. **А. А. Слинько** (главный редактор, ВГУ)
к.и.н. **И. В. Форе́т** (ВГУ)

Editorial Board

Dr. Igor V. Komov (Voronezh State University)
Ass.Prof., Dr.Sc. in History Maksym W. Kyrchanoff (editor)
Dr. Irina V. Phoret (Voronezh State University)
Ass.Prof., Dr. Alexander V. Pogorelsky (Voronezh State Academy for Architecture and Building)
Prof., Dr.Sc. in Politics Alexander A. Slinko (editor-in-chief)

Адрес редакции

394000, Россия, Воронеж
Московский пр-т 88
Воронежский государственный университет
корпус № 8, к. 105, 107

Все оригинальные статьи, написанные на русском языке, поступающие в Редакцию,
проходят процедуру анонимного рецензирования.

Электронная версия

http://www.ir.vsu.ru/resources/library/latin_politics.html

ISSN 2219-1976

Оглавление

Статьи

<i>А.В. Погорельский</i> , Развитие стран Латинской Америки в 2013 году: тенденции и противоречия	5
<i>М.В. Кирчанов</i> , Социальный поворот: (не)возможность социальной истории в латиноамериканистике в России	11
<i>И. Плевако</i> , У истоков формирования теоретической и прикладной геополитики Бразилии	24
<i>Л. Попова</i> , Кризис общественной безопасности в Мексике: истоки и уроки	42

Переводы

<i>Вальтер Миньоло</i> , Деоксидентализация – не деколонизация	51
<i>Натан Гардельс</i> , Латинская Америка и соблазны популизма	56
<i>Мурилу Аугушту де Медейруш</i> , Почему популизм не умирает в Латинской Америке	61
<i>Оскар Эспиноза Чепе</i> , Свободные рынки и демократия: опыт Кубы	64
<i>Лиана Андерсон</i> , Бразилия: обзор диапазона угроз	68
<i>Патрик О'Коннор</i> , Новый Папа Римский и попытки преодоления кризиса	71

Полемика

<i>М.В. Кирчанов</i> , Какая латиноамериканистика нам (не) нужна: заметки вовлеченного маргинала	75
--	----

Contents

Articles

<i>Alexander Pogorelsky</i> , Latin American developmnets in the 2013: the tendencies and contradictions	5
<i>Maksym W. Kyrchanoff</i> , Social turn: (im)possibility of social history in Latin American Studies in Russia	11
<i>Ihor Plevako</i> , The sources of development of theoretical and applied geopolitics in Brazil	24
<i>Llildmila Popova</i> , Crisis of Social Security in Mexico: origins and lessons	42

Translations

<i>Walter Mignolo</i> , Deoccodentalization is not decolonization	51
<i>Nathan Gardels</i> , Latin America and temptations of populism	56
<i>Murilo Augusto de Medeiros</i> , Why populism not die in Latin America	61
<i>Oscar Espinosa Chepe</i> , Free Markets and Democracy: The Cuban Experience	64
<i>Liana Anderson</i> , Brazil: Overview of a Range of Threats	68
<i>Patrick O'Connor</i> , New Pope elected as Catholic Church tries to stem crisis	71

Polemics

<i>Maksym W. Kyrchanoff</i> , What Latin American Studies do we need or not need: notes of the involved marginal	75
--	----

СТАТЬИ

А.В. Погорельский

РАЗВИТИЕ СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В 2013 ГОДУ: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

В прошедшем 2013 году в странах Латинской Америки произошло много очень важных событий. Самым обсуждаемым из них, стала смерть бессменного венесуэльского президента Уго Чавеса и приход к власти его преемника Николаса Мадуро. Другими важными событиями стали - переизбрание президентом Эквадора Рафаэля Корреа и возвращение в президентское кресло Мишель Бачелет в Чили. В Парагвае политическая ситуация нормализовалась в результате выборов, в то время как в Гондурасе вновь обострилась. Никарагуанский президент Даниэль Ортега, приняв закон о возможности переизбрания на пост президента бесконечное число раз, становился все более похожим на диктатора Анастасио Сомосу, с которым сам когда-то боролся. Братья Фидель и Рауль Кастро продолжили править Кубой и осуществляли председательство в Сообществе стран Латинской Америки и бассейна Карибского моря (CELAC). Другим обсуждаемым событием стало избранием папой Римским Франциска, который стал первым главой Ватикана из Латинской Америки.

В 2013 году в большинстве стран региона существенно замедлились темпы экономического роста. По данным Экономической комиссии для стран Латинской Америки и бассейна Карибского моря, рост экономики стран Латинской Америки в 2013 году составил лишь 2,6%¹. К этому следует добавить нарастающую социальную напряженность в целом ряде стран региона, граждане которых выступают за улучшение положе-

¹ *América Latina 2013: balance político.* –
(http://elpais.com/elpais/2013/12/23/opinion/1387814101_420026.html)

ния дел в столь важных областях, как образование, здравоохранение, транспорт и социальное обеспечение.

После смерти Уго Чавеса предвыборная кампания в Венесуэле длилась совсем недолго. Преемником «команданте» был объявлен Николас Мадуро, временно исполнявший обязанности президента с тех пор, как Чавес отправился на Кубу в декабре 2012 года. Оппозиция вновь выдвинула кандидатом Энрике Каприлеса, уже проигравшего президентские выборы Чавесу в октябре 2012 года. Постоянное ухудшение экономического положения, полное отсутствие харизмы у Мадуро и действия оппозиции привели к тому, что последователи Чавеса одержали победу с очень небольшим перевесом.

В Парагвае победу одержал Орасио Картес и после выборов обстановка в стране нормализовалась.

Выборы в Гондурасе проходили беспокойно из-за обвинений властей со стороны оппозиции в фальсификации результатов и завершились победой проправительственного кандидата Хуана Орландо Эрнандеса, представлявшего Национальную партию. Еще одной их отличительной чертой стал распад традиционной двухпартийной системы. Второе место по количеству голосов заняла партия LIBRE, возникшая после государственного переворота 2009 года, возглавляемая бывшим президентом Мануэлем Селайей и выдвинувшая в качестве кандидата его жену Ксиомару Кастро. LIBRE потребовала пересмотра результатов голосования, представленных высшим избирательным органом, и заявила о нарушениях при подсчете бюллетеней.

В Чили состоялись президентские выборы, в результате которых левые вернулись к власти после четырех лет правления правых. Мишель Бачелет, лидер левоцентристской коалиции «Новое большинство», одержала победу над Эвелин Маттеи, возглавлявшей правоцентристскую коалицию. Предвыборная кампания в стране проходила достаточно спокойно, поскольку изначально мало кто сомневался в победе Бачелет, которая набрала значительно большее количество голосов, чем Маттеи, как в первом, так и во втором туре.

Весьма важные для континента выборы прошли в Аргентине и Венесуэле. Результаты парламентских выборов, состоявшихся в середине президентского срока Кристины Киршнер, оказались неблагоприятными для ее правительства и, по мнению аналитиков, положили конец ее на-

деждам на переизбрание в будущем². В Венесуэле выборы в местные органы власти вновь принесли победу чавистам, в очередной раз активно использовавшим административный ресурс.

Выборы 2013 года в странах Латинской Америки подтвердили основные тенденции в политическом развитии континента. Налицо как продолжение прежнего курса (победа Корреа в Эквадоре, сторонников Чавеса в Венесуэле и выдвиженцев от власти в Гондурасе), так и смена политического вектора (Парагвай и Чили).

Начавшаяся в странах Латинской Америки в 2013 году предвыборная гонка продолжится в нынешнем, 2014 году. В семи странах должны состояться имеющие большое значение президентские выборы. В большинстве случаев их фаворитами являются представители действующей власти: Дилма Русеф в Бразилии, Хуан Мануэль Сантос в Колумбии, Эво Моралес в Боливии и Табаре Васкес в Уругвае. В остальных трех странах (Коста-Рике, Сальвадоре и Панаме) дать однозначный прогноз гораздо сложнее, но при этом кандидаты от власти имеют там высокие шансы на успех. Действующие президенты выставят свои кандидатуры в Колумбии, Боливии и Бразилии, в то время как в Уругвае и Сальвадоре бывшие главы этих государств Табаре Васкес и Антонио Сака вновь попытаются занять президентское кресло³.

Каковы же прогнозы развития экономики в ведущих странах региона в наступившем 2014 году? Ряд всемирно признанных международных учреждений опубликовал свои экономические прогнозы для Латинской Америки на 2014 год.

Из большинства из них следует, что в наступившем году экономическая ситуация в регионе улучшится. Экономическая комиссия ООН по странам Латинской Америки и Карибского бассейна (CEPAL) опубликовала доклад, в котором говорится, что в 2014 году экономический рост в регионе составит 3,2%, в прошлом году это было 2,6%⁴. Исполнительный секретарь CEPAL Алисия Барсена заявил, что в текущем году экономический рост в странах Латинской Америки и Карибского бассейна

² *América Latina 2013: balance político.* –
(http://elpais.com/elpais/2013/12/23/opinion/1387814101_420026.html)

³ *América Latina 2013: balance político.* –
(http://elpais.com/elpais/2013/12/23/opinion/1387814101_420026.html)

⁴ *¿Cómo vendrá el 2014?* –
(<http://www.elnuevoherald.com/2014/01/15/1656933/oppenheimer-como-vendra-el-2014.html>)

превысит отметку в 3,2%. Это произойдет за счет того, что экономика Мексики и Бразилии будет развиваться более высокими темпами, а также благодаря тому, что в США отмечается восстановление экономики. На этом фоне ожидается увеличение экспорта из стран Латинской Америки и Карибского бассейна в Соединенные Штаты⁵.

Согласно прогнозам CEPAL, самый высокий экономический рост в 2014 году ожидается в Панаме - 7%, в Перу - 5,5%, в Боливии - 5,5%, в Колумбии - 4,5%, в Эквадоре - 4,5%, в Чили - 4%. Экономический рост в Мексике составит - 3,5%, в Бразилии и Аргентине - 2,6%. Наихудший показатель экономического роста, по мнению CEPAL, ожидается в Венесуэле - не более 1%.⁶

Свой прогноз развития экономики региона обнародовал и Всемирный банк. Он также достаточно оптимистичный, и во многом совпадает с мнением Экономической комиссии ООН по странам Латинской Америки и Карибского бассейна. В докладе, вышедшем под названием «Глобальные экономические перспективы», содержится вывод о том, что в развитых странах с высоким уровнем доходов, наконец-то, после затяжного глобального финансового кризиса в текущем году ожидается экономический рост. В развивающихся странах, включая Латинскую Америку, по прогнозам Всемирного банка, экономический рост составит 2,9%⁷.

В докладе Всемирного банка также говорится о том, что, согласно среднесрочному прогнозу, в Латинской Америке в ближайшие годы сохранится устойчивый экономический рост, главным образом за счет расширения участия стран региона в глобальной торговле.

Погорельский Александр Валерьевич – к.и.н., доцент кафедры философии, социологии и истории, Воронежский государственный архитектурно-строительный университет,

Alexander Pogorelsky – PhD in History, Associate Professor of Philosophy, Sociology and History Chair, Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering

⁵ *¿Cómo vendrá el 2014?* -

(<http://www.elnuevoherald.com/2014/01/15/1656933/oppenheimer-como-vendra-el-2014.html>)

⁶ *Ibid*

⁷ *Ibid*

А.В. Погорельский

**Развитие стран Латинской Америки в 2013 году:
тенденции и противоречия**

Данная статья посвящена особенностям экономического и политического развития стран Латинской Америки в прошедшем 2013 году. Автор статьи дает оценку важнейшим событиям, произошедшим в регионе, выделяет основные тенденции экономического и политического развития ведущих стран, а также прогнозирует развитие событий в странах континента в текущем 2014 году.

Ключевые слова: прогноз развития экономики, экономический рост, социальная напряженность, предвыборная гонка, тенденции политического развития.

Alexander Pogorelsky

**Latin American developmnets in the 2013:
the tendencies and contradictions**

This article is devoted to the peculiarities of economic and political development of the countries of Latin America in the past 2013. The author gives an estimate of the most important events occurring in the region, highlights key trends in economic and political development of the leading countries, and predicts the development of events in the countries of the continent in the current 2014.

Keywords: forecast of economic development, economic growth, social tension, presidential race, the trend of political development.

Библиографический список

- América Latina 2013: balance político. —
(http://elpais.com/elpais/2013/12/23/opinion/1387814101_420026.html)
- ¿Cómo vendrá el 2014? —
(<http://www.elnuevoherald.com/2014/01/15/1656933/oppenheimer-como-vendra-el-2014.html>)

М.В. Курчанов

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ: (НЕ)ВОЗМОЖНОСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ В ЛАТИНОАМЕРИКАНИСТИКЕ В РОССИИ

Историческая наука на современном этапе не может и не должна развиваться в условиях искусственной и добровольно-вынужденной изоляции, болезненного акцентирования собственного величия и лелеяния некоего уникального предмета и объекта исторического знания. Подобные утверждения в западной историографии не только успели стать общим местом, но и реальной практикой развития большинства исторических наук. Поэтому, в западном мире исторические исследования, если речь идет о магистральных направлениях исторического знания, развиваются как междисциплинарные исследования. Удачными примерами продуктивного синтеза методов различных наук стала микроистория, историческая антропология, история повседневности, интеллектуальная история, история ментальностей и другие направления исторического знания, хотя пределы и границы между ними в значительной степени размыты, а иерархия этих наук представляется чрезвычайно условной и порой надуманной.

Особое место среди междисциплинарных форм развития исторического знания занимает социальная история. Социальная история в западной историографии давно успела занять свое место в системе гуманитарных наук, став синтетической формой знания, которая интегрирует не только достижения собственно истории, но и смежных, связанных с ней дисциплин, политических и социальных исследований, штудий национализмов и идентичностей. Предмет и объект социальной истории, казалось бы, определимы без особых проблем, но эта легкость не более чем иллюзия. Социальная история, как сфера знания, которая динамично развивается и трансформируется, продолжает, поэтому, вызывать многочисленные споры, дебаты и дискуссии, но не о ее отсутствии, как могло бы показаться, но о возможных путях и траекториях развития социальной истории, о новых возможностях раскрытия ее междисциплинарного потенциала.

Подобные тенденции имеют место и в современной российской историографии, но носят не всеобщий характер, охватив лишь некоторые сферы исторического знания, в частности - исследования по истории

Средневековья, по новой и новейшей истории. Потенциал социальной истории активно используется в националистических штудиях, а также в передовых исследованиях, посвященных Отечественной истории. Вместе с тем, сфера применения, распространения или влияния социальной истории в рамках российской исторической науки является более узкой чем пределы ее влияния в современной зарубежной, преимущественно – западной, историографии. Значительная часть представителей российского исторического сообщества относится к числу стабильно и консервативно мыслящих историков, для которых историографическая стабильность более важна, чем современные историографические дебаты и дискуссии.

Доминирование именно подобной стабильности, которая порой перетекает в статику, не только затрудняет, замедляет, но и в ряде случаев делает практически невозможным приобщение к новейшим или не совсем новым, но динамично развивающимся и сохраняющими свой потенциал, формам исторического знания. В этом отношении социальная история в ряде специализированных форм исторического знания в современной России сталкивается с почти непреодолимыми барьерами и препятствиями. Подобной сферой является латиноамериканистика, точнее – историческая латиноамериканистика. Исторические латиноамериканские штудии и исследования в современной России существуют в рамках фактически несоветской и инерционной модели развития.

Доминирование схем и интерпретаций, которые унаследованы от советской латиноамериканистики, затрудняет или порой делает невозможным или маловероятным приобщение или обращение к западным направления исторического знания, их использование в рамках российской латиноамериканистики при изучении и анализе тех или иных сюжетов, связанных с историей Латинской Америки как региона в целом или с национальными историями отдельных южноамериканских государств. Социальной истории крайне сложно пробить стену подобного историографического и методологического непонимания и пробить себе дорогу в отечественную латиноамериканистику. Подобная ситуация имеет место быть в российской латиноамериканистике, но она, тем не менее, является нездоровой, представляя собой методологическую аномалию, порожденную сложностями адаптации отечественных латиноамериканских штудий к ситуации методологического и теоретического плюрализма, который установился в постсоветских гуманитарных исследованиях в начале 1990-х годов.

Анализируя проблемы социальной истории в этом тексте, рассмотрим несколько аспектов, связанных с ее возникновением, направлениями исследований и перспективами применения в российской латиноамериканистике.

Вопросы генезиса социальной истории относятся к числу спорных. Ее появление, вероятно, следует связывать с общими трансформациями в рамках западной историографии. Комментируя ситуацию, российская исследовательница Л. Репина подчеркивает, что «стремление к обновлению теоретико-методологического арсенала, резко возросшее в западной исторической науке в послевоенные десятилетия, привело к пересмотру традиционных представлений об историческом процессе и возможностях его познания»¹. Эти изменения, о которых речь шла выше, выразились в постепенной ревизии как унаследованной от более раннего периода историографии, так и в пересмотре основных подходов к методологии исследования – выявлению новых целей и задач, форм и методов исторического исследования.

Генезис социальной истории, ее оформление в самостоятельное направление исторического знания было связано с деятельностью блестящей плеяды европейских интеллектуалов-историков, которые придерживались левых политических взглядов или симпатизировали марксизму. В этом контексте значительную роль в создании условий для самостоятельного развития социальной истории сыграли работы Э. Томпсона, К. Хилла, Э. Хобсбаума и других историков. Примечательно, что тексты этих западных марксистов, которые были в значительной степени близки советской историографии концептуально, ее отторгались и, за редкими исключениями, не принимались. Эта ситуация была связана с тем, что западная и советская версии марксизма развивались в различных направлениях, не только в политике, но и в гуманитарных науках – в то время когда западные левые интеллектуалы охотно исследовали различные культурные, политические и экономические процессы, институты и события – советские марксисты к исследовательской деятельности подходили весьма догматически, поставив историю на службу идеологии и исследуя преимущественно социально-экономическую историю, но в значительно идеологически выверенной форме.

Исследовательское поле социальной истории вызывает в исторической науке споры и дискуссии. Один из признанных классиков западной

¹ Репина, 1991. С. 167 – 181.

социальной истории Теодор Зелдин² констатировал, что «опасно писать о “природе социальной истории”. Фактически все прежние споры об этом предмете сводились к поучению или осуждению. Предположение, что возможно согласие, постоянно опровергалось, а об идеях или моделях, которые историки разворачивали перед своими учениками, быстро забывали»³. Подобная ситуация теоретической и методологической неопределенности с социальной историей оказалась чрезвычайно устойчивой несмотря на то, что западными историками был создан целый ряд исследований, которые фактически принадлежали «социальной истории», а их авторы анализировали различные исторические измерения социального или социальные формы / уровни исторического процесса.

В 1969 году Ханс Розенберг, рассматривая проблемы определения социальной истории, указал на спорность данного понятия, подчеркнув, что «так называемая социальная история стала для многих расплывчатым собирательным понятием всего, что в исторической науке считается... нужным и прогрессивным»⁴. Ситуация осложняется тем, что если применить ее к латиноамериканистскому измерению в современной России, вряд ли найдется несколько историков-латиноамериканистов, которые будут готовы применять методы социальной истории для изучения латиноамериканской проблематики, и это неприятие будет связано с инерционным характером развития латиноамериканистики в России, наложенным на общее неприятие западной историографии, особенно в тех случаях, когда в центре внимания историков пребывают латиноамериканские сюжеты, что стимулирует совершенно нерациональное отторжение англоязычной научной традиции по надуманным идеологическим причинам.

На протяжении длительного времени социальная история не обладала самостоятельным статусом и самостоятельным значением, пребывая в тени более успешных и признанных направлений в исторической науке: «большая часть исследователей долгое время отводила социальной истории роль “младшей сестры” экономической истории, подчиняя рассмотрение социально-исторических сюжетов собственно экономической проблематике»⁵. «Темы социальная история черпала частично в ранней истории культуры, частично в постепенно трансформированных

² Zeldin, 1976.

³ Зелдин, 1993. С. 154.

⁴ Rosenberg, 1969.

⁵ Репина, 1991.

проблемах истории государственного строя, города и ремесла»⁶, – полагал Р. Зидер⁷, подчеркивая междисциплинарный характер социальной истории. Кроме этого не следует забывать и о том, что в понятии «социальная история» именно «социальная» компонента подверглась дискредитации, о чем, в частности, пишет и Т. Зелдин: «одно из тех прилагательных, в которые в разное время вкладывался столь разный смысл, что они в конце концов вообще перестали что-либо значить»⁸. Размывание социальности в самой дефиниции «социальная история», с одной стороны, актуализировало определенный универсализм направления, его тотальность и всеобщность, но, с другой, сделало социальную историю невольной жертвой именно этой склонности к междисциплинарности – ее пределы и границы, а также таких формальные характеристики как объект, предмет, цели и задачи оказались весьма размытыми и туманными.

Потенциал социальной истории, «способной интерпретировать, систематизировать, квантифицировать, рассказывать и объяснять» оказался раскрыт в западной историографии, где она «не догматизировала бы какой-либо один из указанных подходов», но «выбирала бы методы и характер изложения, соответствующие поставленной проблеме». Формально и российская латиноамериканистика может «интерпретировать, систематизировать, квантифицировать, рассказывать и объяснять»⁹, но эти ее качества носят исключительно формальный характер в то время как фактически она направлена на идеологизацию и политизацию конечного научного продукта. В подобной ситуации системная способность к интерпретации оказалась вытесненной склонностью к идеологизации. Кроме того, развитие современной латиноамериканистики в России оказалось невозможным без догматизации как единственного средства для сохранения идеологической монополии.

Столь длительное пребывание социальной истории в рамках истории экономической, о чем речь шла выше, имело не только отрицательное значение, содействуя на более поздних этапах актуализации междисциплинарного потенциала социальной истории, которая, отделившись от экономической, более не могла развиваться в рамках строгой и узкой классификации и иерархии наук, будучи только историей с ее сугубо историческими измерением, но став междисциплинарной наукой, ко-

⁶ Зидер, 1993. С. 167.

⁷ Sieder, 1990.

⁸ Зелдин, 1993. С. 157.

⁹ Зидер, 1993. С. 178.

торая актуализирует теории, методы и достижения не только истории как таковой, но и экономики, политических и социальных наук. Возникновение социальной истории как самостоятельной области исторического знания связана с постепенной фрагментацией исторической науки, в частности – с развитием экономической истории, что содействовало институционализации самостоятельного статуса социальной истории сначала как побочного результата развития историко-экономических штудий, а позднее – как самостоятельной области исторического знания.

Появление социальной истории актуализировало исторические дебаты и противостояние различных теорий и концепций в историографии. «Подходы и методы, предлагаемые мной для данного исследования, конечно, не относятся к области традиционной историографии, даже (и особенно) если последняя и стремится стать моложе с помощью прививок. Излишне утверждать, что история как наука есть нечто значительно большее, чем рассуждения о случайном и случившемся, об интригах под луной. Тем более, что подобные рассуждения базируются на отрицании социологии. Размышляя таким образом, мы помещаем историю в прокрустово ложе, величина которого не изменилась со времен Аристотеля и Фукидида»¹⁰, – подчеркивал французский историк Э. Ле Руа Ладюри¹¹, комментируя социальную компоненту в историческом исследовании. Примечательно, что в этом узком ложе не только уместилась, но и вполне комфортно чувствует себя и современная российская латиноамериканистика, хотя в рамках того мира, в котором писали, фактически воображали и конструировали свои истории Аристотель и Фукидид не было места для Латинской Америки в силу того, что о существовании этого континента просто не было известно.

Развитие социальной истории в очередной раз актуализировало проблемы фрагментации и гетерогенности научных сообществ, что некоторыми российскими авторами воспринимается негативно и отрицательно. Р. Зелдин полагает, что именно социальная история как метод, который принимается или не принимается, позволила выделить три типа историков, а именно – систематизаторы, персоналисты и социальные историки. Систематизаторы – это те, кто «видит свою цель в объяснении настоящего историческим опытом прошлого», персоналисты – историки, которые «пишут о прошлом, потому что ему это нравится, потому что, живя в прошлом, он испытывает персональное удовольствие» и соци-

¹⁰ Ле Руа Ладюри, 1993. С.153.

¹¹ Le Roy Ladurie, 1974.

альные историки «в противоположность первым двум (хотя и ясно, что эти категории часто и легко совпадают), рассматривает историю как социальную деятельность, включающую преподавание, членство в профессиональной корпорации, коллективный труд, установление связей с другими историками и другими дисциплинами»¹².

Среди российских латиноамериканистов, вероятно, преобладают два первых типа, хотя второй относится к числу тех, что находятся на грани исчезновения. Социальных историков среди отечественных латиноамериканистов, к сожалению, практически нет в силу того, что междисциплинарные связи не получили должного развития, а само понятие «социальная ответственность» в российском историческом сообществе не развито в отличие от идеологических предпочтений и убеждений, что фактически ставит «идеологическую ответственность» выше профессиональных качеств, содействуя нравственной деградации латиноамериканистики как науки, превращая ее в практико-ориентированную деятельность, направленную на обслуживание идеологии и политики, экономических интересов государств, министерств, ведомств или корпораций.

Социальная история принадлежит к числу тех форм исторического знания, которые несут в себе значительный реформационный потенциал, содействуя пересмотру парадигм в исторической науке. Комментируя этот аспект социальной истории Т. Зелдин подчеркивал, что «в своих ранних формах социальная история означала прежде всего демократизацию истории. Она отвлекала внимание от королей, политиков и парламентариев, утверждая, что и у других людей тоже есть история»¹³. Данный потенциал социальной истории в полной мере был реализован в западной историографии, которая не знала столь значительной идеологизации и политизации, не страдая от существования системы искусственных разделительных линий, связанных с формальной или (в зависимости от ситуации) неформальной иерархией областей / отраслей исторического знания. В западной историографии в условиях социального поворота, практически с самого его начала социальная история стала своего рода очередной попыткой утверждения всеобщей и тотальной истории.

В подобной ситуации условная социологизация затронула практически все сферы исторического знания – от изучения истории древних об-

¹² Зелдин, 1993. С. 159.

¹³ Зелдин, 1993. С. 155.

ществ до проблем новейшей истории. Поэтому латиноамериканские штудии в рамках западных гуманитарных наук этот социальный поворот восприняли как нечто совершенно естественное и неизбежное, логически связанное с обновлением парадигм и сменой поколений исследователей-историков. В современной отечественной латиноамериканистике подобные трансформации оказались невозможны, что было связано с рядом факторов. Постсоветская российская латиноамериканистика, особенно те ее разделы, которые сфокусированы на изучении истории, не знала деидеологизации и десоветизации, что отличает ее от других направлений исторического знания, которые мучительно, медленно и болезненно, но все-таки расстались со своим прошлым, пойдя по пути сближения с мировыми тенденциями в развитии исторических наук.

Отечественная латиноамериканистика на протяжении 1990 – 2010-х годов практически не проявила способностей и потенций к трансформации и адаптации, хотя в руках ранних российских историков все еще пребывало мощное оружие в виде марксистской методологии. «Уроки марксизма привели меня к заключению, отсутствующему в нем вовсе, а именно, что главный двигатель истории в целом следует искать не в классовой борьбе, а в области экономики, социальных отношений»¹⁴, – именно так оценивал влияние марксизма французский историк Э. Ле Руа Ладюри. Все это, и классовая борьба, и экономика, и социальные отношения было в избытке в советской латиноамериканистике, но в ее рамках не возникла социальная история. Не могла она возникнуть, тем более, и в постсоветский период, в результате декларативного отказа от марксизма, но фактической перехода к изоляции. Современная российская латиноамериканистика пошла пагубным путем мимикрии: падение СССР в методологическом плане было не замечено, теоретически историческая латиноамериканистика фактически осталась прежней с той лишней разницей, что российские латиноамериканисты стыдливо перестали цитировать не только К. Маркса, но и предпочтя проигнорировать общие изменения в западной историографии, где значение марксизма несколько не сократилось даже после исчезновения советской историографии, в которой он в форме «марксизма-ленинизма» декларировался в качестве теоретической и методологической основы.

«Почти без шума, совершенно мирным образом в западногерманской исторической науке произошла смена перспектив: от изучения разреженной атмосферы канцелярий и салонов, деяний верховных лиц и

¹⁴ Ле Руа Ладюри, 1993. С. 155.

государственных событий, от анализа глобальных общественных структур и процессов она обратилась к малым жизненным мирам, серым зонам и нишам повседневной жизни»¹⁵, – именно так в середине 1980-х годов немецкий историк В. Улльрих описывал методологические и структурные изменения в немецкой историографии, связанные с социальным поворотом и общей сменой как тематики, так и направленности значительной части исследований. К сожалению, ничего подобного в российской латиноамериканистике в постсоветский период не произошло и не могло произойти: вместо нормального для академической историографии Запада изучения истории мулатов, обитателей фавел и прочих групп советские латиноамериканисты усиленно продолжали писать в координатах «больших нарративов», содействуя тем самым методологической изоляции и отрыву от магистральных тенденций в развитии мировой латиноамериканистики.

Актуальная российская латиноамериканистика оказалась в состоянии организационного и поколенческого кризиса. Распад СССР не привел к падению советской системы организации науки, в том числе – и латиноамериканистики. ИЛА РАН, с одной стороны, сохранил свой монопольный статус головной академической организации. Но эта монополия, с другой, оказала самое негативное влияние и воздействие на развитие латиноамериканистики в сочетании с общим падением престижа науки в 1990 – 2000-е годы, что привело к поколенческим деформациям в современной российской латиноамериканистике: ученые старшего поколения по-прежнему активны, в 2000-е годы начался приход в латиноамериканистику новой генерации исследователей, но среднее поколение почти отсутствует.

В такой ситуации сложилась весьма специфическая система коммуникации между двумя поколениями в российской латиноамериканистике: старшее продолжает транслировать фактически несоветский нарратив, что обеспечивает функционирование также несоветского дискурса, младшее поколение этот идеологически выверенный сигнал воспринимает в условиях почти полного отсутствия среднего поколения, которое было бы затронуто (хотя бы в минимальной степени) методологическими и теоретическими исканиями российских гуманитарных наук в 1990 – 2000-е годы.

Поэтому условно социальная иерархия современной российской латиноамериканистики аномальна, но в целом она отражает общие тен-

¹⁵ Ullrich, 1985.

денции в развитии постсоветских гуманитарных наук: в рамках латиноамериканских штудий существует стабильное консервативное большинство, представленное авторами старшего поколения, которые как ученые сформировались в советский период или тогда же и делали свои первые шаги в науке; оно заинтересовано в сохранении существующей организационной (ИЛА РАН), методологической и теоретической (видоизмененные, незначительно модифицированные, но фактически советские, точнее – несоветские, интерпретации при значительной степени идеологизации с креном влево), тематической (набор тем исследований фактически идентичен тематике советского периода с минимальными модификациями) ситуации. Подобная социальная иерархия предусматривает и соответствующие ей механизмы научной коммуникации, основанные на отторжении и неприятии альтернативных интерпретаций, которые воспринимаются как «необоснованные и некорректные высказывания». Кроме этого, данная модель научной коммуникации фактически исключает такую форму как дискуссия в силу того, что официальные письма в региональные университеты стали модифицированной формой доноса, что фактически стало не только попыткой ликвидации методологического плюрализма, проявлением стремления к новейшей идеологизации латиноамериканистики и установления единственно верной линии, представленной одной научно-исследовательской организацией или одним периодическим изданием, но и самоустраниением от дискуссии и обмена мнениями относительно теоретических и методологических оснований латиноамериканистских исследований.

Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать ряд факторов, связанных с развитием и функционированием социальной истории как формы исторического знания. Адаптивный и интегративный потенциал социальной истории был раскрыт в многочисленных исследованиях, выполненных в рамках этой парадигмы, написанных и опубликованных зарубежными историками. Адаптивные потенциалы социальной истории сокрыты в самом факте ее рождения. Появление социальной истории стало следствием неминуемого для второй половины XX века сближения различных социальных наук. Это сближение и синтез их методов породили склонность будущей социальной истории к междисциплинарности, одновременному существованию и функционированию не только в рамках тех или иных форм исторического знания, но и на грани различных гуманитарных дисциплин. Итак, междисциплинарность – это не только первейший и наиболее значимый родовый признак социальной истории, но и основа ее функционирования и развития.

Междисциплинарность социальной истории делает ее не только чрезвычайно эластичной, но и вполне применимой для изучения самого широкого круга проблем и вопросов, имеющих отношение к истории стран Латинской Америки в частности или всего региона в целом. Социальная история в латиноамериканском контексте представляется чрезвычайно ценной и важной для изучения процессов экономической и политической модернизации, постепенной трансформации традиционных политических и социальных идентичностей, их размывания и разрушения, формирования не только современных наций, но и классов в современном значении этого чрезвычайно спорного и многогранного термина. Кроме этого, социальная история может оказаться и более удобной площадкой для несоветской латиноамериканистики, чем другие междисциплинарные направления в развитии исторического знания.

Современная, актуальная российская латиноамериканистика панически поится перемен и отвергает какие бы то ни было возможные изменения. В подобной ситуации терминология постмодернизма, постструктурализма, дискурс-нарративного анализа для современной отечественной латиноамериканистики нечто совершенно чуждое и непонятное, подобное ядерной физике для естествоиспытателей XVII столетия. С социальной историей в российской латиноамериканистике вполне могла бы сложиться качественно иная, другая ситуация, но она, к сожалению, не сложилась, а говорить о методологических переменах и, тем более, прогнозировать теоретические новации в ее рамках фактически представляется невозможным.

Социальная история могла бы стать интегративной площадкой для российской латиноамериканистики, которая на протяжении ее советского периода истории говорила на советской версии марксизма, но этого не произошло в силу того, что в советском марксизме доминировало и возобладало именно советское, а не качественно другое, марксистское, содержание. Поэтому, социальная история, несмотря на завоеванные ей позиции в западной историографии, в российской исторической латиноамериканистике будет фигурировать в качестве маргинальной и фактически нереализуемой новации. В подобной ситуации социальная история, конечно, не только сохранит свой адаптивный и междисциплинарный потенциал, но рано или поздно окажется в состоянии его раскрыть, будучи перенесенной и трансплантированной на сферу латиноамериканских исторических штудий и исследований.

Поэтому, социальная история будет фигурировать как одно из многочисленных направлений исторического знания, как повод для рефлекс-

сии, а порой и для интеллектуальных провокаций с латиноамериканским подтекстом в направлении поиска советских предшественников актуальной социальной истории или в контексте использования ее методов изучения непосредственного латиноамериканского исторического опыта.

Кирчанов Максим Валерьевич – д-р ист. н., доцент Кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран Факультета международных отношений Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия)

Maksym Valerijovych Kyrchanoff (Kyrchaniv) – Doctor of Sciences in History, Associate Professor, Department of Regional Studies and Economies of Foreign Countries, Faculty of International Relations, Voronezh State University (Voronezh, Russia)

М.В. Кирчанов

Социальный поворот:

(не)возможность социальной истории в латиноамериканисти в России

Социальная история принадлежит к числу динамично развивающихся направлений в современном гуманитарном знании. Социальная история имеет междисциплинарный характер. Социальная история сфокусирована на комплексном изучении социальных процессов в контексте социальных трансформаций, изменений, политических и экономических модернизаций. Социальная история заняла прочные позиции в западных исторических штудиях. Позиции социальной истории в современной российской латиноамериканистике могут быть определены как маргинальные. Консервативная стабильность – важнейшее препятствие для развития социальной истории в российской латиноамериканистики и ее интеграции в мировой контекст.

Ключевые слова: социальная история, социальный поворот, методология, теория

Maksym W. Kyrchanoff

Social turn: (im)possibility of social history in Latin American Studies in Russia

Social history belongs to the number of the fastest growing trends in the contemporary Humanities. Social history has an interdisciplinary character. Social history is focused on the study of complex social processes in the context of social transfor-

mations, changes, political and economic modernization. Social history has a strong position in Western historical studies. The position in the social history of modern Russian Latin American Studies can be defined as marginal. The conservative stability is the most important obstacle for the development of social history in the Russian Latin American Studies and its integration in the global context.

Keywords: social history, social turn, methodology, theory

Библиографический список

Зелдин Т. Социальная история как история всеобъемлющая / Т. Зелдин // Thesis. – 1993. – Вып. 1. – С. 154 – 162.

Зидер Р. Что такое социальная история? Разрывы и преемственность в освоении «социального» / Р. Зидер // Thesis. – 1993. – Вып. 1. – С. 164 – 181.

Ле Руа Ладюри Э. Застывшая история / Э. Ле Руа Ладюри // Thesis. – 1993. – Вып. 2. – С. 153 – 173.

Репина Л. Социальная история и историческая антропология: новейшие тенденции в современной британской и американской медиевистике / Л. Репина // Одиссей. Человек в истории. 1990. – М., 1991. – С. 167 – 181.

Le Roy Ladurie E. L'histoire immobile / E. Le Roy Ladurie // Annales: Économies, Sociétés, Civilisations. – 1974. – Vol. 29. – No 3. – P. 673 – 692.

Rosenberg H. Deutsche Agrargeschichte in alter und neuer Sicht / H. Rosenberg // Rosenberg H. Probleme der deutschen Sozialgeschichte / H. Rosenberg. – FaM, 1969.

Sieder R. Was heisst Sozialgeschichte? Brüche und Kontinuitäten in der Aneignung des «Sozialen» / R. Sieder // Österreichische Zeitschrift für Geschichtswissenschaften. – 1990. – Hefte 1. – S. 25 – 48.

Ullrich W. Entdeckungsreise in den historischen Alltag. Versuch einer Annäherung an die «neue Geschichtsbewegung» / W. Ullrich // Geschichte in Gesellschaft und Unterricht. – 1985. – Jg. 36. – S. 403 – 414.

Zeldin Th. Social History and Total History / Th. Zeldin // Journal of Social History. – 1976. – Vol. 10. – No 2. – P. 237 – 245.

У ИСТОКОВ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРИКЛАДНОЙ ГЕОПОЛИТИКИ БРАЗИЛИИ

В политологической науке развитие геополитических теорий государств Латинской Америки остается малоизученным явлением. Поскольку Бразилия имеет значительный теоретический и практический фундамент строительства государства и стремится влиться в число мировых лидеров, то изучение истоков бразильской геополитики является актуальным, важным и практически полезным для науки заданием. Если в истории международных отношений, политической географии и военной истории мы находим обстоятельные ответы, связанные с развитием геополитики в большинстве стран Европы и США, то проблемы становления геополитики государств Латинской Америки в целом, и Бразилии в частности, остаются малоизученными в постсоветской науке. Глубоко изучить эту проблематику удалось представителям американской научной школы таким, как Джон Чайлд¹, Людвиг Армин, Филипп Келли, Кеннет Лундгрэн и др. Не оставили без внимания эту проблематику и латиноамериканские ученые, среди которых особенно отличились Сильвестр Альбукельке, Карла Диаз и Паула Брага, Шикеноли Миамото² и ряд других. Кроме того, предметом отдельных исследований ученых из Португалии³, России⁴, Польши⁵, Венгрии стал генезис бразильской теоретической геополитики⁶.

Невозможно не согласиться с позицией известного российского ученого Бориса Мартынова о том, что слабое знакомство с трудами латиноамериканских геополитиков обусловлено удаленностью региона⁷. Именно поэтому в странах СНГ на сегодняшний день количество публикаций, посвященных данной проблематике, очень незначительно.

Итак, бразильские геополитические концепции развивались благодаря трудам ряда ученых и государственных деятелей, однако имена

¹ Child, 1979.

² Miamoto, 1981. – P. 75-92.

³ Franco, 2013; Freitas, 1999.

⁴ Курчанов, 2009.

⁵ Gawryski, 2013. – S. 28.

⁶ Szilagyi I. A Brazil geopolitika i skola...

⁷ Мартынов, 2006.

даже наиболее выдающихся из них остаются малоизвестными для политологической науки на постсоветском научном пространстве. Самыми известными бразильскими геополитиками были **Эверардо Бакхаусер** (Everardo Adolpho Backheuser) (1879–1951 гг.), **Голбери де Коуто э Сильва** (Golberi do Couto e Silva) (1911–1987 гг.), генерал **Карлос де Мейра Матос** (Carlos de Meira Matos) (1913–2007гг.), генерал **Марио Травассос** (Mario Travassos) (1891–1973 гг.), историк и географ **Терезинья де Кастро** (Therezinha de Castro) (1930–2000 гг.) инженер, знаток военной истории и геополитики **Лисиас Родригес** (Lysias Augusto Rodrigues) (1896–1957 гг.). Вместе с тем, существует ряд и других авторов, которые внесли свой вклад в развитие теоретической и прикладной геополитики, чем не только приобщились к формированию и развитию бразильского государства, но и способствовали позиционированию его на международном уровне.

Современный исследователь истоков бразильской геополитики и политической географии профессор **Шикеноли Миамото** (Shiguenoli Miamoto) выделил пять условных этапов развития научных разработок, посвященных геополитической тематике. Несмотря на то, что работы исследователей не всегда появлялись в названных ниже хронологических рамках, большинство специалистов склонны считать целесообразной именно такую хронологически тематическую классификацию:

- 1) 20 – 30 гг. – период формирования бразильской геополитики;
- 2) 40-е гг. – развитие исследования и период созревания важных категорий, дефиниций и явлений во время мирового конфликта;
- 3) 50 – 1964 г. – работы периода «холодной войны»;
- 4) 1964 – до нач. 80-х – период стремительного развития геополитики;
- 5) середина 80-х – 90-е гг. – геополитические исследования процессов демократизации и международного сотрудничества⁸.

Стоит заметить, что в целом бразильская геополитическая школа основана на классических концепциях «органического государства», «хартленда» и «равновесия сил». Забегая вперед, стоит подчеркнуть, что в отношении первой, самой влиятельной, геополитической концепции, то ее суть заключалась в том, что развитие Бразилии виделось в обеспечении лидерства этой страны в латиноамериканском регионе. Представителями этой идеи были Карлос де Мейра Матос и Голбери э Сильва. Геополитическую доктрину «хартленда», или «срединной зем-

⁸ Miyamoto S. *Op.cit.*

ли», которая имеет особое значение, отстаивал Марио Травассос⁹. Концепция «равновесия сил» была представлена другими геополитиками и учеными как идея союза Бразилии, Чили, Эквадора и Колумбии против Аргентины, Перу и Венесуэлы. Таким образом задачей этого исследования является анализ работ наиболее известных авторов латиноамериканской геополитики.

Говоря о первом периоде развития теории геополитики, нужно вспомнить таких бразильских авторов как **Элизео де Карвальйо** (Elyseo de Carvalho), **Эверардо Бакхаусер**, **Карлос Дельгадо де Карвалье** (Carlos Miguel Delgado de Carvalho), частично (хронологически) **Марио Травассос** и **Франциско де Паула Цидаде** (Francisco de Paula Cidade). Все эти авторы были представителями школы географического детерминизма, главным классиком которой являлся немецкий ученый **Фридрих Рацель**. Надо отметить, что и Бакхаусер считается основоположником бразильской геополитики, однако Элизео де Карвалье (1880–1925) по праву был первым, кто геополитику очертил как ключевую силу в судьбе страны¹⁰.

К выводам последнего присоединился и профессор Дельгадо де Карвалье (1884–1980 гг.). Кроме работ, посвященных политической географии Бразилии, этот автор также писал о ее внешней политике, прибегая к анализу бразильской геополитики. Для примера, исследователь еще в конце межвоенного периода международных отношений настаивал на бразильско-аргентинском сотрудничестве, поскольку экономики этих стран, по его мнению, имеют глубокие европейские корни и могли дополнять друг друга. Дельгадо де Карвалье неоднократно подчеркивал негативные последствия межгосударственных, в том числе пограничных, споров на территории Южной Америки, а также убеждал в преимуществах от дружбы с США, аргументируя, что такая дружба является сильнее, чем у всех других южноамериканских соседей¹¹.

Франциска де Паула Цидаде (1883–1968 гг.) также считают одним из основателей бразильской геополитики. До 1944 г. он был военным и дослужился до чина генерала. В этом же году он в качестве военного судьи был направлен с бразильским подразделением в Италию. Кроме военной службы работал над теоретическими разработками, касающимися

⁹ Kelly, 1987.

¹⁰ *O factor geographico...* 1921. – 69 p.

¹¹ Delgado de Carvalho, 1940. P. 312-337.

геополитики. В 1940 г. он издал свой фундаментальный труд, в котором обосновал роль геополитики в жизни Бразилии¹².

Учитывая огромный вклад в развитие бразильской геополитики вышеупомянутого Эверардо Бакхаусера, считаем необходимым подробнее остановиться на его работах¹³. Э. Бакхаусер был инженером, педагогом, ученым и по праву считается основателем бразильской геополитической школы. Он опубликовал ряд статей в зарубежных, в частности европейских, периодических изданиях и этим получил широкую поддержку своих геополитических теорий в научных кругах. В ходе следующего периода развития бразильских геополитических учений теоретик также упорно работал и в 1948 году создал кафедру геополитики при католическом университете в Рио-де-Жанейро¹⁴.

В своих работах Бакхаусер отмечал, что Бразилия имела три большие геополитические проблемы: пространства Бразилии, географическое положение столицы, а также территориальное деление страны. Теоретик разработал теорию границ Бразилии. Он убеждал, что внутри государств находится стихийная сила, которая позволяет короткими границами (в геометрической форме круга) охватить большую площадь. Согласно этой концепции государство осуществляет сильнейшее геополитическое давление на границах, чтобы, в конечном счёте, захватить нужную территорию¹⁵. С целью обеспечения равномерного распределения трудовых ресурсов Бакхаусер высказывался за реализацию комплексной политики на границах, которая обязывала продуктивное население обрабатывать больше земли и основывать индустриальные центры¹⁶. Отстаивая идею национального суверенитета, Бакхаусер убеждал, что экономическое развитие приграничных территорий будет способствовать консолидации всего государства¹⁷.

Разработанная Бакхаусером теория границ переросла в бразильскую концепцию «органического государства», практическое воплощение которой состояло в максимальной консолидации внутренних сил и колонизации пограничных районов с Парагваем, на р. Парана в направлении

¹² *Notas de Geografia militar sul, 1940.*

¹³ *Backheuser, 1952.*

¹⁴ *Lundgren, 1993. – P.21.*

¹⁵ *Armin L. K. Two Decades...*

¹⁶ *Lundgren K.S. Op. cit. – P. 22.*

¹⁷ *Backheuser E. Op.cit. – P. 157-159.*

р. Амазонка. Бакхаусер четко определил, что «такая колонизация» – это главная задача бразильской армии¹⁸.

Его разработки достойно продолжили другие мыслители, которые были профессиональными военными и политиками и о которых речь пойдет ниже, а именно: Марио Травассос, Голбери э Сильва и Карлос-де-Мейра Маттос¹⁹. Во время Второй мировой войны начался второй виток развития бразильской геополитики. Именно в этот период благодаря немецкому геополитику Карлу Хаусхоферу мир узнал о Бразилии как об актере международной арены и, одновременно, как о возможном объекте международных отношений. Вместе с тем в Бразилии значительно активизировались исследования геополитиков, которые в своих трудах начали рассматривать не только теоретические вопросы, но и разрабатывать практические предложения, обеспечения национальных интересов. Среди этих ученых: Фернандо Раха Габаглия (Fernando Antônio Raja Gabaglia (?–1954), упомянутые выше Дельгадо де Карвальо, Лисиас Родригес и другие. Разработки последнего в связи с основательными выводами на предмет бразильской геополитики заслуживают пристального внимания.

Лисиас Родригес в первую очередь развил концепцию «южноамериканских территорий», которые находились в сфере влияния антагонистических сил. Такие территории имели стратегическое геополитическое положение, поскольку именно там каждый раз, по мнению Родригеса, могло дойти до вооруженного конфликта между конкурирующими сторонами. Бразилия также является заинтересованной стороной, а стратегические американские территории – это, во-первых, территория Игуасу, находящаяся на границе с Парагваем, на которую выдвигала претензии кроме Бразилии, еще и Аргентина²⁰; во-вторых, это территория Боливии, которую Травассос называл «хартлендом»; и, наконец, Летисия – территория устья р. Амазонки, которая была ключевой в обеспечении коммуникаций от Тихого до Атлантического океана²¹.

Л.Родригес считал необходимым защищать устье Амазонки. Чтобы укрепить положение страны он убеждал о присоединении территорий Французской Гвианы. Исследователь «предлагал» создать южноамериканский геополитический центр, который находился бы под контролем Бразилии, что могло гарантировать контроль над южной Атлантикой.

¹⁸ *Ibidem*.

¹⁹ *Lundgren K.S. Op.cit. – P. 22-23.*

²⁰ *Diaz C., Braga P., 2006. – № 40. – P. 491.*

²¹ *Rodrigues, 1952. – P. 65-66.*

Следует подчеркнуть, что в своих исследованиях геополитик отводил много места отношениям с США, поскольку считал, что сотрудничество с Вашингтоном было бы залогом гегемонии Бразилии в регионе. Вместе с тем, он также поддерживал политику доброго соседства и убеждал правительство обратить внимание на большое значение Атлантики в утверждении геополитических замыслов Бразилии²².

К этому периоду относят также появление работ **Моасира Сильвы** (Moacir M.F. Silva)²³ и **Хосе де Лима Фигейредо** (José de Lima Figueirêdo)²⁴. Названные авторы использовали геополитические суждения в подчеркивании роли коммуникаций Бразилии в те годы. Именно коммуникации, по мнению исследователей, были ключевым элементом и средством национальной интеграции. Их работы стали фундаментом для будущего направления в геополитических исследованиях, касающихся транспортных коммуникаций²⁵.

В период новой фазы существования международной системы, которая функционировала в условиях «холодной войны», начался **третий** этап эволюции бразильской геополитики. Например, **Жан Баптиста Магальес** (João Baptista Magalhães) в своей работе, вышедшей в 1958 г., посвятил значительное внимание роли военного фактора в жизни государства. Опираясь на исторический опыт, автор предложил четкие рекомендации по достижению основных целей и задач военных в различных сферах жизни (в политике, экономике, образовании)²⁶. Полковник, а впоследствии и генерал, **Уолдер Годолфим** (Waldir da Costa Godolphim) главное внимание обратил на проблемы защиты бразильских территорий и их безопасность в амазонском регионе²⁷. В подобном русле в послевоенный период работал и военный историк и инженер, географ, политик и дипломат генерал **Аурелио Табарес** (Aurêlio de Lira Tavares) (1905–1998 гг.)²⁸. Причинами такого интереса стал «климат холодной войны» и опасность конфронтации со странами коммунистической идеологии²⁹. В результате начали развиваться идеи национальной безопасности, разработку которых взяли на себя военные³⁰.

²² *Ibidem*. P. 117-120.

²³ Silva M., 1949.

²⁴ Figueirêdo, 1941.

²⁵ *Breves apontamentos...*

²⁶ Magalhaes, 1958.

²⁷ Godolphim, 1971. – P.5-7; Sousa M. L., Pacheco R. A. 2013.

²⁸ Tavares, 1955; Tavares, 1958;

²⁹ Myamoto, 1995. – P. 76-77.

³⁰ Nunn F., 1992 – P. 328.

Необходимо также вспомнить о трудах двух других авторов этого периода, а именно **Альберто Торреса** (Alberto Torres) и **Оливейра Биана** (Francisco J. Oliveira Viana)³¹. Перу этих геополитиков принадлежат разработки идеи безопасности, которая не воспринималась как нечто абсолютное, а скорее – как совокупность закономерных действий (как правило, действий военных), которые позволяют удерживать ситуацию на соответствующем уровне. Кроме того эти геополитики убеждали, что обеспечение страны и ее территорий необходимыми условиями для безопасности – это цель национальной идеи. Для этого, писали исследователи, необходимо создать национальную власть, которая позволила бы все необходимые маневры. В основе такой национальной политики должна лежать стратегия планирования. Исследователи также считали, что гражданские режимы были неэффективными, они, прежде всего, обеспечивали личные амбиции власти, а, по мнению ученых, по-настоящему национальные интересы могли отстаивать только военные³².

Таким образом, **четвертый** период развития латиноамериканской геополитики ознаменовался тем, что 31 марта 1964 года в Бразилии был совершен военный переворот, в результате которого к власти пришел маршал Умберту Кастелу Бранку (1910–1975). Он и его соратники предложили геополитическую концепцию, которая была оформлена в «Доктрину национальной безопасности и развития»³³ и которая впоследствии была названа «идеологией военных правительств». Эту концепцию продолжали разрабатывать геополитики в течении 1964–1985 гг. Кроме президента Бранку, последователями этой доктрины были генерал Голбери э Сильва, президент Эрнесто Гейзель (1908–1996), генерал Жуарес Тавора и подполковник Освальдо Кордейро де Фариас.

Согласно этой доктрине, представители правительственных кругов Бразилии отстаивали независимость бразильского государства, международный престиж, региональную интеграцию, социальное благополучие, приоритет моральных ценностей. Кроме того было объявлено, что залогом развития страны является безопасность и названные выше понятия, связанные между собой не только политически, но и экономически, ведь не может быть речи о хозяйственном прогрессе без обеспечения безопасности. Только сильная и централизованная власть, воплощаю-

³¹ *Breves apontamentos*

³² *Torres, 1982. – P. 122-133; Viana, 1982.*

³³ *Курчанов М.В. Авторитаризм – С. 94-95; Mundim L.F. Raízes de um pensamento...*

щая рациональную политику, в состоянии обеспечить быстрое развитие. В итоге, государство становилось над обществом³⁴, легитимировало полную власть над населением и, таким образом, играло доминирующую роль во всех сферах общественно-политической жизни³⁵.

Одним из авторов, посвятивших особое внимание проблемам бразильской национальной безопасности, стал генерал Голбери де Коуто э Сильва. Он был авторитетным и влиятельным бразильским геополитиком и представителем военной элиты Бразилии. В течение 1964–1981 гг. Г. э Сильва был советником трёх президентов. Его важные статьи были опубликованы отдельной работой в 1967 г., посвященной значению географического положения Бразилии³⁶.

Важной составляющей работ Голбери э Сильвы является обоснование концепции «бразильского архипелага», суть которой заключается в необходимости внешней экспансии, которая привела бы к интеграции Бразилии с пограничными регионами других стран. Кроме того, считал Голбери э Сильва, особенно важна защита государственного суверенитета, обеспечение прав регионов (федерализм), местного самоуправления, обеспечения экономической мощи и приумножения авторитета Бразилии на международной арене³⁷. Бразилию геополитик представил как архипелаг, состоящий из 5 островов и полуостровов (центральная равнинная территория, север, юг, запад, амазонские территории). Правительство, по мнению генерала, должно было способствовать внутренней интеграции и консолидации этих островов, что было бы залогом развития и стабильности государства³⁸.

Нельзя обойти вниманием доктрину Голбери э Сильвы, которая представила Бразилию как гегемона в Латинской Америке³⁹. Теоретик условно разделил южноамериканский континент на 7 территорий, среди которых Бразилию представил как наиболее динамичный, а потому – наиболее важный в хозяйственном плане регион. Второй регион – американская Амазония, куда, кроме незначительных бразильских территорий, Голбери э Сильва отнес территории Перу, Эквадора, Колумбии, Венесуэлы и Гайаны. Третий регион – Ла-Платско-Патагонское пространство, которое включало Уругвай, Аргентину, Чили. Четвертый, так

³⁴ Armin L. K. *Two Decades...*

³⁵ Gawrycki M.F. *Op.cit.* – S. 26.

³⁶ Mundim L.F. *Op. cit.*

³⁷ Couto e Silva, 1967. – P. 265.

³⁸ Gawrycki M. F. *Op.cit.* – S. 32.

³⁹ Diaz C., Braga P. *Op.cit.* – P. 499.

называемый «хартленд», – Боливия, которую геополитик рассматривал как часть Бразилии. Последний сухопутный регион – бразильский север, включавший еще и территорию Сальвадора. Двумя морскими территориями Голбери э Сильва определил северо-центральную и юго-центральную Атлантику⁴⁰. Поскольку Бразилия географически присутствует во всех семи геополитических регионах, Голбери э Сильва обосновывал легитимность ее ключевой роли в южно-американском регионе и рекомендовал установить доминирование над Боливией и Парагваем, чтобы полностью контролировать континентальный «хартленд»⁴¹.

Геополитик с недоверием относился к латиноамериканским соседям Бразилии, в первую очередь имея в виду Аргентину, и характеризовал ее как империалистическую державу, которая с помощью других испаноязычных государств хотела окружить Бразилию со всех сторон. Собственный бразильский экспансионизм Голбери э Сильва прикрывал концепциями «живых идеологических границ», обосновывая их, во-первых, укреплением позиций на границах, а во-вторых, – борьбой с коммунизмом⁴².

Нельзя не вспомнить его концепцию «мировых полукругов», актуальную для конца 50–60 гг. Геополитическое видение мира, по мнению Голбери э Сильвы, – это борьба между «христианским Западом» и «коммунистическим Востоком». Он считал, что причиной «холодной войны» был «советский экспансионизм», которому нужно было что-то противопоставить. Поскольку Бразилия относится к «христианскому Западу», считал Голбери э Сильва, то и она должна присоединиться к его защите.

Манипулируя политической картой мира, Г. е Сильва убеждал, что «коммунистический и материалистический Восток» находится на внешнем полукруге, а «демократический и христианский Запад» – на внутреннем. Эти два полукруга – миры чрезвычайно противоречивые, и поэтому Бразилия, в силу своего положения, должна удерживать антикоммунистический союз с США. Внутренний полукруг стал решающим компонентом для латиноамериканской безопасности и, как следствие, территорией бразильского влияния и потенциальной экспансии. По мнению Голбери э Сильвы, Латинская Америка, Африка и Антарктида должны стать ключевыми территориями для Запада. И любое проникновение на эти

⁴⁰ Couto e Silva do G. *Op.cit.* – P. 88-89.

⁴¹ *Ibid.*

⁴² Lundgren K.S. *Op.cit.* – P. 126.

территории со стороны врага было бы угрозой безопасности всему западному миру⁴³.

Врач, географ и дипломат **Хосе Аполонио де Кастро** (Josué Arolônio de Castro) (1908–1973 гг.) также попал в число людей, имевших отношение к бразильской геополитике. Однако, в истории геополитики он известен тем, что обратил внимание на проблему голода в глобальных масштабах, а также отследил влияние геополитики на это явление.

По мнению ученого, голод и его биологические проявления связан с принципами морального и политического порядка, направленными на коллективные интересы. Геополитическая проблема различных форм голода может быть решена только путем новой модели развития, которая должна объединить в единый процесс экономическое измерение, социальные составляющие, охрану окружающей среды и коллективные усилия. Х. де Кастро еще в конце 40-х гг. очень серьезно отнесся к проблемам истощения природных ресурсов, загрязнение воздуха, почвы, сухопутных и морских вод, недостатка энергии, к проблеме растущего разрыва между богатыми и бедными странами. Необходимо подчеркнуть, что за этот труд теоретик получил международную премию мира⁴⁴.

Генерал Марио Травассос, как упоминалось, был последователем идей Э. Бакхаусера. В своих научно-практических разработках он разделил государство на четыре геополитические регионы: амазонская Бразилия (Центр или «хартленд»), Северная равнина, Восточное побережье и Ла-Платская Бразилия (юго-восток). Исходя из этих географических детерминант, Травассос предложил для обсуждения и дальнейшего решения две проблемы. Во-первых, очень важной для решения стала проблема транспортировки природных ресурсов с запада на восток (от побережья Тихого океана до Атлантического). Вторая проблема – урегулирование противостояния регионов Амазонки и Ла-Платы через нейтрализацию бассейна Ла-Платы в процессе усиления связей с приграничными районами Боливии и Парагвая⁴⁵.

Большое внимание Травассос обращал на проблему «аргентинского экспансионизма». Он небезосновательно считал, что коммуникационная зависимость Боливии и Парагвая в регионе Ла-Платы от Аргентины опасна, поскольку потенциальный аргентино-боливийский союз способствовал бы выходу Аргентины к Тихому океану через чилийские или пе-

⁴³ Couto e Silva do G. *Op. cit.* – P. 129-130.

⁴⁴ Castro, 1951;

⁴⁵ Travassos, 1978. – P. 23-24.

руанские порты. Это было бы первым шагом на пути к окружению Бразилии враждебными испаноязычными странами⁴⁶.

Будучи апологетом бразильской гегемонии, Травассос пытался отыскивать потенциальных союзников и внешнеполитических партнеров Бразилии в регионе. Поэтому закономерным было значительное внимание исследователя к Боливии. Травассос ввел в научный оборот термин «магический треугольник» для обозначения территории центральной Боливии⁴⁷. Поскольку эта местность (боливийское «сердце континента») была важна как для Бразилии, так и для Аргентины, то бразильским властям необходимо было связать ее с собственными морскими портами на Атлантическом океане путем создания условий для навигации в середине континента⁴⁸.

Ряд идей этого и других периодов развития бразильской геополитики были синтезированы в отдельную теорию другим идеологом – генералом **Карлосом де Мейра Матосом**, формирование концепций которого находилось под влиянием Марио Травассоса. Карлос де Мейра Матос был последователем замены соперничества на сотрудничество с блоком Аргентина–Перу–Венесуэла. Кроме того, отстаивая идеи принадлежности Бразилии к западному миру, геополитик настаивал на ее союзе с США и Западной Европой и призывал вместе бороться с угрозой, нависшей со стороны СССР. Подчеркивая стратегическое положение Бразилии, Матос настаивал, что бразильская безопасность связана с южной Атлантикой в направлении Африки. Важным аспектом в исследованиях Матоса стало изучение и обоснование необходимости коммуникаций в бассейне Амазонки для обеспечения природными ресурсами, сотрудничества Бразилии с испанской Америкой, охраны границ, укрепления развития приграничных территорий, которые, по его мнению, были геополитически уязвимыми объектами⁴⁹. Исследователь изучал влияние экономической мощи и внутренней безопасности Бразилии на формирование ее как великой державы⁵⁰.

В отличие от Травассоса, американским «хартлендом», который возвышается (восходит), Карлос де Мейра Матос рассматривал реку Амазонку. В этом качестве он устранял Боливию, недооценивая «ее привилегированное геополитическое положение» и Эквадор, занимавший

⁴⁶ *Ibidem.* – P. 95.

⁴⁷ *Diaz C., Braga P. Op. cit.* – P. 496.

⁴⁸ *Travassos M. Op. cit.; Gawrycki M.F.* – S.27-28.

⁴⁹ *Bonfim U. Geopolitica...*

⁵⁰ *Gawrycki M. F. Op.cit.* – S. 35-37.

стратегический горный проход, который связывал Бразилию с Тихим океаном. Кроме того, убеждал Матос, с развитием Бразилии получают возможность развиваться и другие страны континента, поскольку граничат с его страной, которой прочили быть гегемоном в Латинской Америке.

Для амазонских территорий Карлос де Мейра Матос видел определенную угрозу: Матос опасался, что перенаселенные государства – Бангладеш, Индия, Китай и Япония, могли лишиться суверенитета бразильские амазонские территории. Это могло произойти в результате миграционных процессов и несостоятельности Бразилии самостоятельно наладить там должное хозяйствование⁵¹. Амазонка – это шанс развития для всей Южной Америки, а для Бразилии – надежда на получение статуса великой державы. Это, по мнению ученого, было бы возможным при условии сотрудничества с испаноязычными соседями. Поэтому Матос призывал к политике доверия между латиноамериканскими государствами⁵².

Интересными и новыми были геополитические суждения генерала о новосформировавшихся в 60-х гг. африканских республиках, он их рассматривал как потенциальный рынок сбыта бразильских промышленных товаров. Кроме того, считал геополитик, Бразилия может стать посредником в сотрудничестве между Западом и афро-азиатскими странами⁵³. Важно, что для распространения влияния в южной Атлантике Матос предложил амбициозные планы по развитию военного и торгового флотов и установление 200-километровой зоны территориальных вод. Чтобы противостоять Восточному блоку во главе с СССР он призвал к образованию организации юго-атлантического договора (SATO), который состоял бы из Бразилии, Аргентины, Чили, Парагвая, Уругвая и африканских государств⁵⁴.

Важно отметить, что **пятый** период развития бразильской геополитики отличается от предыдущего тем, что работы этого периода имели в большей степени теоретический характер. Кроме названных выше работ Ш. Миамото, С. Альбукерке, Х. Косты и других, достаточно известными стали концепции таких авторов: **Вандерлей да Коста**⁵⁵ (Wanderley Messias da Costa), посвятивший свои труды интеграционным процессам;

⁵¹ *Ibid.* S.37-39.

⁵² Lundgren K.S. *Op. cit.* – P. 27-29.

⁵³ Fontoura L. *General Carlos de Meira Mattos...*

⁵⁴ Alduquerque, 2010.

⁵⁵ Costa, 1992.

Хосе Весентини (José William Vesentini)⁵⁶, **Андре Мартин** (André Martin), который, подчеркивая удобное политико-географическое положение Бразилии, убеждал в необходимости сотрудничества со странами “МЕРКОСУР”, “АЛКА”, “БРИКС” и другими странами “Юга”⁵⁷; **Деметрио Манолли** (Demétrio Martinelli Magnoli), известный тем, что подытожил предыдущие наработки и указал на исключительное геополитическое положение Бразилии, способствующее межрегиональному сотрудничеству⁵⁸; **Мануэль Андраде** (Manoel Correia de Andrade), изучавший проблемы безопасности и необходимости наращивания экономического потенциала, важности сотрудничества с Аргентиной и завоевания доверия африканских стран⁵⁹. Исследовательница **Берта Бекер** (Bertha Koiffman Becker (1930–2013 гг.) разработала ряд новых теоретических междисциплинарных подходов в бразильской, в первую очередь внутренней, геополитике⁶⁰.

Вместе с тем, одной из самых известных фигур, с которой ассоциируется бразильская геополитика конца XX века, была **Терезинья де Кастро**⁶¹. Именно она обосновала необходимость строительства коммуникаций (автодорог и железнодорожных путей) в бассейне Ла-Платы. Она убеждала, что обеспечение наличия экспортных коридоров должным образом способствует интеграционной политике Бразилии⁶². В своих трудах Терезинья де Кастро не скрывала разочарования в политике США по отношению к латиноамериканским странам в целом, и Бразилии в частности. По ее мнению, сотрудничество с США получило глубокую трещину. Во-первых, в период каденции президента США Джимми Картера (1977–1981 гг.) Америка отступила от своих принципов соблюдения прав человека и начала оказывать давление на Бразилию в ходе реализации ею ядерной программы. Т. де Кастро критиковала США из-за их поддержки Великобритании в ходе противостояния последней с Аргентиной в Фолклендском конфликте 1982 г.⁶³. Вследствие этого, США трактовались Бразилией как ненадежный союзник. По мнению Терезиньи де Кастро, придерживаясь политики «конструктивного прагматизма», Бразилия избрала

⁵⁶ Vesentini, 1996.

⁵⁷ Geografia. Geopolítica e poder...

⁵⁸ Magnoli, 1986.

⁵⁹ Andrade, 1989.

⁶⁰ Becker, 1988. – P. 99-126.

⁶¹ Castro, 1999.

⁶² Bonfim U. Op. cit. – P. 99.

⁶³ Мартынов Б.Ф. Указ. соч. – С. 34; Окунева, 2008. – С. 3-5.

другой внешнеполитический вектор – региональное сотрудничество со странами Латинской Америки⁶⁴.

Итак, теоретическая и прикладная геополитическая мысль Бразилии исследуемого периода переживала значительное развитие. Поэтому нужно согласиться с современными исследователями, что традиционными тезисами бразильских геополитиков стали: стратегическое положение Бразилии на американском континенте, большое значение полезных ископаемых и наличие трудовых ресурсов как залог гегемонии Бразилии в регионе, стратегический союз с США и взаимоотношения с окружающими испаноязычными соседями⁶⁵.

Представители бразильской геополитики разработали планы доступа к Тихому океану и достижения континентальной гегемонии. В середине страны и на региональном уровне геополитики поддерживали рост численности населения и сосредоточивали свое внимание на проблемах безопасности, актуальных для Бразилии. В этом направлении теоретики и военные еще в третьей четверти XX в. создали фундамент геополитической теории, отдельные идеи которой остаются актуальными и сегодня.

Плевако Игорь - к.и.н., доцент Кафедры международных отношений, Национальный Университет «Острожская Академия»

Ihor Plevako – PhD in History, Associate Professor, Chair of International Relations, National University “Ostroh Academy” (Ukraine)

Игорь Плевако

У истоков формирования теоретической и прикладной геополитики Бразилии

Исследование посвящено анализу процесса развития и периодизации бразильской геополитики. Проанализированы работы известных мыслителей, таких как Эверардо Бакхаусер, Марио Травассос, Лисиас Родригес, Голбери до Коуту э Сильва, Карлос де Мейра Матос, Терезинья де Кастро. На конкретных примерах проиллюстрировано, что исследования латиноамериканских геополитиков имеют не только теоретический, но и прикладной характер.

Ключевые слова: Латинская Америка, бразильские геополитические концепции, эволюция бразильской геополитической мысли.

⁶⁴ Gawrycki M. F. *Op.cit.* – S.29.

⁶⁵ *Ibidem.* – P. 116; Albuquerque E. S. *Op. cit.* – P. 75.

Ihor Plevako

The sources of development of theoretical and applied geopolitics in Brazil

The article deals with the analysis of development and periodization of Brazilian geopolitics. The author studies theories by the famous Brazilian scholars, such as Everardo Bakhauser, Mario Travassos, Lysias Rodrigues, Golberi do Couto e Silva, Carlos de Meira Matos, Therezinha de Castro. Using specific examples, he illustrates that Brazilian geopolitical ideas were not only theoretical but also applied in nature.

Keywords: Latin America, history of Brazilian geopolitics, Brazilian geopolitical theories of security and development.

Библиографический список

Andrade M.C. Geopolítica do Brasil / M. Andrade. – São Paulo: Ática, 1989. – 64 p.

Armin L. K. Two Decades of Brazilian Geopolitical Initiatives and Military Growth / K. L. Armin // www.airpower.au.af.mil/airchronicles/aureview/1986/jul-aug/ludwig.html

Armin L. K. Two Decades of Brazilian Geopolitical Initiatives and Military Growth / Armin K. Ludwig. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.airpower.au.af.mil/airchronicles/aureview/1986/jul-aug/ludwig.html>

Backheuser E. A geopolítica geral do brasil / Everardo Adolpho Backheuser. – Rio de Janeiro, 1952. – 276 p.

Becker B.A Geografia e o resgate da Geopolítica. / B. Becker // Revista Brasileira de Geografia. – Rio de Janeiro, 1988. – P. 99-126.

Bonfim U. Geopolítica. http://www.ensino.eb.br/cpeceme/docs/03_INTRO_GEOPOLITICA_2011.pdf

Breves apontamentos sobre a historiografia geopolítica brasileira // <http://www.webartigos.com/artigos/breves-apontamentos-sobre-a-historiografia-geopolitica-brasileira/82376/>

Castro J. Geopolítica da fome. – Rio de Janeiro: Casa do Estudante do Brasil, 1951; http://www.scielo.br/scielo.php?pid=S1519-38292008000300001&script=sci_arttext&tlng=en

- Castro T. Geopolítica: princípios, meios e fins / T. Castro. – Rio de Janeiro: BIBLIEx, 1999. – 389 p.
- Child J. Geopolitical thinking in Latin America / J. Child // Latin American Research Review. – 1979. – №2. – P. 89-111.
- Costa W. Geografia política e geopolítica: discursos sobre o território e o poder / W. Costa. – São Paulo, 1992. 374 p.
- Couto e Silva do G. Geopolítica do Brasil / Golbery do Couto e Silva. – Rio de Janeiro, 1967. – P. 265.
- Delgado de Carvalho C. Brazil as a Latin American political unit / C. Delgado de Carvalho. – 1940. – V. 27. – № 4. – P. 312-337.
- Diaz C., Braga P. Rivalidade entre Brasil e Argentina: construção de uma-cooperação pacífico-nuclear / C. Diaz, P. Braga // Revista de Ciências Humanas. – Florianópolis, 2006. – № 40. – P. 491.
- Figueirêdo J. Cidades e sertões: (páginas de história e geografia do Brasil) / J. Figueirêdo. – Gráficos Bloch, 1941. – 232 p.
- Fontoura L. General Carlos de Meira Mattos (perfil e obra geopolítica) / L. Fontoura // http://www.adelinotorres.com/portugal/LUIS%20FONTOURA_General%20Meira%20Mattos--perfil%20e%20obra.doc
- Franco J. O Brasil e a segurania no Atlantico Sul / J. Franko // Revista de Geopolitica, 2013. – V. 4. – №1. – P. 1 – 13; Freitas J. M. A Escola Geopolitica Brasileira / J.M. Freitas. – Lisboa, 1999.
- Gawrycki M.F. Geopolityczne podstawy mocarstwowości brazylijskiej / M.F. Gawrycki // Brazylia jako mocarstwo wschodzące. – Warszawa, 2013. – S. 28.
- Geografia. Geopolítica e poder mundia. – P.45-46: www.cienciamao.usp.br/dados/pru/_geopoliticaepodermundial.apostila.pdf;
Andre Roberto Martin:
<https://uspdigital.usp.br/tycho/CurriculoLattesMostrar?codpub=F7A0B0E9D26F>
- Godolphim W. Fundamentum Filosoficos na Fomula da Geografia Modema e da Geopolitica / W. Gadolphim. – Rio de Janeiro: Bibliex, 1971. – P.5-7;
- Kelly P. The Geopolitics of Brazilian Expansion: A new Era of Pax Braziliانا? / P. Kelly // Texas journal of Political Studies. – 1987. – № 9. – P. 81-82.
- Lundgren K.S. Brazil's National defense strategy: prospects for the twenty-first century / K. S. Lundgren. – Monterey, 1993. – P.21.
- Magalhaes J. B. A Evolução militar do Brasil / J.B. Magalhaes. – Rio de Janeiro, 1958. – 408 p.

- Magnoli D. O que é Geopolítica / D. Magnoli. – São Paulo: Brasiliense, 1986. – 74 p.
- Miamoto S. Os estudos geopolíticos no Brasil: uma contribuição para sua avaliação / S. Miamoto // Perspectivas, São Paulo, 1981. – P. 75-92.
- Mundim L.F. Raízes de um pensamento autoritário: possibilidades metodológicas em um estudo de Golbery do Couto e Silva / L.F. Mundim // <http://anpuh.org/anais/wp-content/uploads/mp/pdf/ANPUH.S23.1361.pdf>
- Myamoto S. Geopolítica e poder no Brasil / S. Myamoto. – Campinas, São Paulo: Papirus, 1995. – P. 76-77.
- Notas de Geografia militar sul – Americana. – Rio de Janeiro, 1940. – 350 p.
- Nunn F.. The Time of the Generals: Latin American Professional Militarism in World Perspective / Nunn F. – Nebraska, 1992 – P. 328.
- O factor geographico na politica brasileira. Discurso de posse na Sociedade de Geografia. – Rio de Janeiro: Monitor Mercantil, 1921. – 69 p.
- Rodrigues L. Geopolítica do Brasil / Lisias Rodrigues. – Rio de Janeiro, 1952. – P. 65-66.
- Silva M. Geografia dos transportes no Brasil / M. Silva. – Rio de Janeiro, 1949. – 268 p.
- Sousa M. L., Pacheco R. A. A influencia da rodovia belem-Brasilia no processo de desenvolvimento das cidades do centro-norte de goias / M. L.Sousa, R.A.Pacheco // Revista Eletrônica Geoaraguaia. – 2013. –V 3. №2. – P. 249.
- Szilagyj I. A Brazil geopolitika i skola / I. Szilagyj // Politika tudomanyi Szemle. – T. XVI/3. – P. 69–83.
- Tavares A. Territorio nacional. Soberanía e dominio do Estado / A. Tavares. – Rio de Janeiro, 1955; Tavares A. Seguranza Nacional. Antagonismos e vulnerabilidades / A. Tavares. Rio de Janeiro, 1958; <http://www.academia.org.br/abl/cgi/cgilua.exe/sys/start.htm?infoid=304&sid=223>
- Torres A. O Problema Nacional Brasileiro – Introdução a um programa de organização nacional / A. Torres. – São Paulo, 4º ed., 1982. – P. 122-133;
- Travassos M. Proyeccion continental del Brasil. – Mexico, 1978. – P. 23-24.
- Vesentini J. A capital da geopolitica / J. Vesentini. – São Paulo, 1996. – 240 p.
- Viana F. O. Populações Meridionais do Brasil e instituições políticas brasileiras / F.O. Viana. – Brasília, 1982. – V. 14.
- Кирчанов М.В. Авторитаризм, национализм и политический протест (проблемы модернизации Бразилии 1930-1980 годов) / М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2009.

Мартынов Б. Новая ситуация в регионе и возможности ее эволюции / Б. Мартынов // Латинская Америка. – 2006. – №5. – С.31.

Окунева Л. С. Бразилия: особенности демократического проекта: Страницы новейшей политической истории латиноамериканского гиганта (1960-е гг. –2006 г.) / Л. Окунева – М, 2008. – С. 3-5.

КРИЗИС ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В МЕКСИКЕ: ИСТОКИ И УРОКИ

Большинство жителей Мехико-Сити оказывались в роли жертв преступности по меньшей мере однажды, а если нет, то среди их родственников и знакомых есть таковые.¹ Точной статистики всех совершенных преступлений нет, поскольку не многие жертвы обращаются в полицию. За период с 2006 до 2011 гг. количество убитых в ходе войны с наркотиками превысило 36 000 человек. Аналогичную картину дает статистика похищений, вооруженных нападений, вымогательства – все показатели продолжают увеличиваться.² Тотальная подозрительность, засилье полиции, разрастание сектора коммерческих организаций по оказанию услуг по обеспечению безопасности – все это создает ощущение чрезвычайного положения, в котором живут обитатели мексиканской столицы. В настоящий момент в прессе высказываются предположения, что после ареста главы картеля «Синалоа» (Sinaloa) уровень преступности будет снижаться. Однако, в свете распространения коррупции, бюрократии и неэффективности государственной власти на местах, вполне возможно, что такие предположения преждевременны.

В чем причины роста преступности, усиливавшегося с 2008г.? В мексиканском обществе и в СМИ широко распространено мнение, что одной из главных причин является высокий уровень бедности и социального неравенства. Так, генерал Герардо Клемент Вега, Секретарь совета национальной обороны Мексики, неоднократно заявлял, что именно бедность – главная причина вооруженного насилия в стране³. Такая точка зрения обоснована с точки зрения теории рационального выбора, которая объясняет наличие взаимосвязи между бедностью и преступностью исходя из того, что предполагаемая выгода от преступлений для людей с низким уровнем дохода превосходит возможные убытки.⁴ Поэтому огромный демографический вес бедных создает криминогенную обстановку.

¹ Koonings, Kruijt, 2007

² La Seguridad Pública...

³ Moloeznik, 2003.

⁴ Bourguignon F. Crime As a Social Cost...

По данным ОЭСР, 41% национального годового дохода приходится на 10% наиболее состоятельных граждан страны, в то же время, за период с 2006 по 2010 гг. число мексиканцев, живущих в условиях крайней и умеренной бедности, выросло с 35% до 46%, то есть на 52 миллиона человек.⁵ Такая ситуация, как «замкнутый круг бедности», суть которой сводится к тому, что дети из бедных семей не имеют возможности получить образование, поскольку вынуждены работать с раннего возраста, усугубляет социальную исключенность ряда слоев населения, вынуждая их искать средства к существованию в сфере теневой экономики, среди которых наибольшую прибыль сулит участие в незаконном производстве, транспортировке и продаже наркотиков. Сверхприбыли данного бизнеса обусловлены, в первую очередь, географической близостью к рынку США, на котором спрос на наркотики продолжает увеличиваться (около 20 миллионов потребителей наркотиков насчитывается в США, по данным американских исследователей).⁶

Для многих мексиканских крестьян культивация коки стала единственным возможным способом прокормить семью. Причины этого кроются в характере экономического развития страны в 1980-1990е гг. Неолиберальные реформы президентов Мигеля де ла Мадрида (1982-1988гг.) и Карлоса Салинаса де Гортари (1988-1994гг.), призванные вывести экономику из кризиса и сократить инфляцию, привели к усугублению проблем в сельском хозяйстве. Ликвидация государственных субсидий, отмена фиксированных цен на сельскохозяйственную продукцию, приватизация общинных земель нанесли серьезный удар по первичному сектору экономики. После присоединения Мексики к Североамериканской зоне свободной торговли (НАФТА) и наводнения мексиканского рынка дешевой американской сельхозпродукцией, сельское хозяйство Мексики стало нерентабельным. Страна, значительная часть жителей которой была занята в первичном секторе, превратилась в импортера продовольствия. Не имея возможности привлечь свое постоянно увеличивающееся население к производительному труду, Мексика столкнулась с таким явлением, как «вытеснение» экономически активного населения в криминальный бизнес.

Для сельских жителей обозначились три возможные перспективы: миграция на север страны в поисках работы, эмиграция в США, либо адаптация к новым условиям рынка, то есть, поиск работы в теневой

⁵ Мексика в цифрах...

⁶ INEGI (indice general)...

экономике. В 2010-2011гг. уровень бедности в Мексике, согласно отчетам CEPAL, продолжал увеличиваться.⁷ Эта ситуация создавала питательную почву для незаконных вооруженных формирований, ищущих дешевую рабочую силу. Все больше людей, потерявших веру в возможность найти легальную работу, переqualифицируются в поставщиков наркосодержащих культур. Только за период с 2005 по 2009 гг. площади, занятые под опийный мак, увеличились более, чем в 4 раза и составили 15 тыс. га.⁸ Тесная экономическая интеграция с США северных штатов Мексики усилила региональные диспропорции в экономике и способствовала увеличению миграционных потоков. Многие мексиканцы, курсирующие по территории страны в поисках заработка, становятся наркокурьерами. Быстро набирает обороты такой нелегальный бизнес, как «переброска» мигрантов в США, в обмен на доставку ими наркотиков из Мексики.

В то же время, сама по себе бедность и социальное неравенство не являются единственными причинами роста преступности. Не меньшее значение имеет слабость политических институтов и сам характер развития мексиканской государственности, препятствовавший созданию механизмов по противодействию коррупции. Фактическое отсутствие в стране в течение длительного времени (в прошлом столетии) реальной оппозиции правящему режиму, независимой судебной и законодательной властей, создавало благоприятные условия для взаимовыгодного сотрудничества правящей партии с преступными группами. По данным исследования Н.Ньето, масштаб операций по транспортировке наркотиков на границе между Мексикой и США свидетельствует, что без молчаливого одобрения политических элит они осуществляться не могли – доходы от продажи наркотиков в 1990х составили основу мексиканской экономики.⁹

Росту насилия в начале нового века способствовал разрыв преемственности в отношениях между властью и криминалом. Тесный союз представителей правящей партии с криминалом, сформировавшийся на протяжении семидесяти лет правления Институционально-революционной партии (ИРП), оказался подорван отстранением этой партии от власти в начале нового века, что стало одно из причин активизации криминалитета.¹⁰ Нарастание наркокартелями военной мощи,

⁷ *México aumentó...*

⁸ *Чумакова, 2013*

⁹ *Nieto, 2012*

¹⁰ *Давыдов, 2013*

освоение соседних рынков и новых видов преступной деятельности, сделали их корпорациями, распространяющими свое влияние далеко за территорию страны. Лидер картеля «Синалоа» Хоакин Гусман Лозра входил в список богатейших людей планеты, по версии журнала Forbes.¹¹

Несмотря на экономическое развитие страны в последние десятилетия XX – начале XXI веков, процесс адаптации политической системы к новым реалиям современного мира не всегда проходил успешно. Длительная монополия на власть одной партии (ИРП) способствовала глубокому проникновению коррупции в административные, политические, экономические структуры и подрывала возможности для развития гражданского общества и демократических институтов. Сформировался механизм тесного взаимодействия государственных органов с криминалом, и развязать этот узел без усилий гражданского общества и демократического контроля было невозможно.

Кроме того, сложилось своеобразное «разделение труда» между государственными структурами и организованной преступностью: там, где государство оказывалось не в состоянии адекватно выполнять свои функции, особенно по социальной защите населения, эти функции переходили к наркокартелям. К таковым функциям относятся «наркоблаготворительность» в виде адресной помощи городским и сельским беднякам, помощь в восстановлении инфраструктуры после стихийных бедствий, обрушившихся на Мексику в 2013 г., и даже организация праздников, как было в штате Тамаулипас на «Дне Ребенка»: представители картеля «Los Zetos» устроили детский праздник со спектаклем и подарками.¹² Это пример самоорганизации части общества для решения собственных проблем, которая начинается тогда, когда государство дистанцируется от населения и не выполняет своих социальных функций. Чем более пассивными будут оставаться местные органы государственной власти на своих территориях, тем больше шансов для них полностью потерять контроль над этими территориями. Поскольку до тех пор, пока местное население симпатизирует наркокартелям, никакая федеральная армия и полиция не смогут противостоять распространению организованной преступности.

Текущая стратегия государства по борьбе с криминалом, включающая в себя привлечение армии и флота к решению проблем преступно-

¹¹ Мексиканский наркобарон...

¹² *Cártel organizan...*

сти, силовое противостояние с наркокартелями, развитие сотрудничества с США, имела ограниченный эффект: с одной стороны, были обнаружены и арестованы многие опасные преступники, распались некоторые крупные картели. С другой стороны, говорить о существенном сокращении уровня преступности преждевременно. Борьба с преступностью, активно освещаемая в мексиканских СМИ, приводит к криминализации бедной молодежи, подобная стратегия «навешивания ярлыка» на бедного молодого мужчину, ожидаемого бандита и убийцу, в долгосрочной перспективе только усилит социальную дезориентацию молодежи, которая в основном и пополняет ряды криминальных группировок.

Большое значение для борьбы с криминализацией мексиканского государства и общества имеет сотрудничество страны с северным соседом. Камнем преткновения здесь традиционно был вопрос об антинаркотической политике в самих США, поскольку именно американский рынок является основным потребителем наркотиков из Мексики и других Латиноамериканских стран. Проблема роста спроса на запрещенные препараты в штатах часто поднимается в обращениях руководителей антинаркотических ведомств Латинской Америки. Претензии Мексики к США не сводятся только к вопросу регулирования спроса на наркотики. Вызывает опасения легальная торговля стрелковым оружием в США, которой пользуются мексиканские картели.¹³ Ужесточение пограничного контроля, его техническое переоснащение, милитаризации границы не приводят к существенному сокращению уровня нелегальных поставок оружия из США, как представляется, главным образом потому, что усилия американской стороны сосредоточены на борьбе с миграцией и перевозкой наркотиков, а не на контроле над незаконным оборотом вооружений. Сотрудничество тормозит обоснованное нежелание Мексики принимать односторонние инициативы США, угрожающие суверенитету страны. В марте 2005 г. США, Канада и Мексика подписали договор о создании новой межрегиональной организации - Североамериканского партнерства во имя безопасности и процветания (Security and Prosperity Partnership of North America), в то же время, исследователи отмечают, что «Партнерство» сосредоточено в основном на решении экономических вопросов.¹⁴

Таким образом, кризис общественной безопасности Мексики оказывается результатом взаимодействия комплекса причин. Среди них можно выделить внутривластные (пребывание у власти одной партии и

¹³ Хейфец

¹⁴ Даркина, 2005

связанный с этим рост уровня коррупции); внешнеполитические (географическое положение страны между странами-ведущими производителями наркотиков и крупнейшим рынком сбыта); социально-экономические (кризисные явления в экономике, ориентирующие население на поиск неформальной занятости, упадок сельского хозяйства, рост безработицы).

Исходя из общих тенденций эволюции кризиса безопасности, существует несколько возможных сценариев развития ситуации:

1. Перерастание кризиса безопасности в кризис государственности, превращение Мексики в «failed state». Усилится миграция из страны, что станет поводом к конфронтации с США. Развитие организованной преступности, ее выход за рамки традиционных форм поставят страну на грань распада, поскольку появятся области, полностью контролируемые незаконными вооруженными формированиями, на подобии ситуации в Колумбии в годы эскалации внутреннего конфликта.¹⁵ Такой вариант возможен при условии, что международное сотрудничество Мексики с США не будет иметь долгосрочного эффекта, а уровень коррупции в Мексике будет расти, достигнув высших эшелонов власти.

2. Сохранение «баланса сил» между государством и преступными группировками, передел сфер влияния, в ходе которого часть коррумпированных чиновников и лидеров преступных группировок будут арестованы, те же картели, что смогут адаптироваться к ситуации и найти новых покровителей в среде чиновников и полицейских, продолжают существовать.

3. Сокращение уровня преступности. Развитие ситуации по этому сценарию возможно в случае осуществления комплекса мер, среди которых: реструктуризация рынка труда, прекращение приватизации предприятий в ключевых отраслях экономики, государственная поддержка сельского хозяйства, развитие социальной политики, частичная декриминализация потребления наркотиков, антинаркотическая кампания в СМИ. Основой борьбы с криминализацией общества могут стать экономические реформы, поскольку без развития промышленности и создания новых рабочих мест проблема «лишнего» населения, особенно молодежи, будет вызывать все новые и новые негативные социальные по-

¹⁵ За годы существования внутреннего вооруженного конфликта в Колумбии (1964-наст. вр.), унесшего жизни не менее 500 000 граждан, на территории страны были образованы зоны, свободные от военного присутствия колумбийской армии (т.н. «Фаркландия»), полностью контролировавшиеся повстанцами, с новой налоговой системой и новыми законами.

следствия. «Поворот» экономики с ориентации на американский рынок, для которого Мексика является поставщиком ресурсов и дешевой рабочей силы, на национальное развитие, способен будет преодолеть негативные эффекты социальной исключенности, к которым относится и преступность.¹⁶ Таким образом, проблема общественной безопасности неразрывно связана с кризисом безопасности социальной, без преодоления которого снижение уровня преступности не представляется возможным.

Людмила Попова – аспирантка Факультета политологии Санкт-Петербургского университета

Liudmila Popova – PhD Student, Department of Political Science, Saint-Petersburg University

Л. Попова

Кризис общественной безопасности в Мексике: истоки и уроки

Статья рассматривает истоки и причины кризиса общественной безопасности в Мексике. В результате стремительного роста числа жертв войны с наркотрафиком, в ходе которой мексиканские наркокартели заняли лидирующие позиции на черных рынках Западного полушария, многие мексиканские города возглавили рейтинги самых опасных мест мира, не рекомендуемых к посещению. В настоящей статье представлены возможные прогнозы развития ситуации в сфере общественной безопасности.

Ключевые слова: общественная безопасность, организованная преступность, наркотрафик, региональная безопасность, международное сотрудничество в сфере безопасности

¹⁶ Zamora, 2013

Liudmila Popova

Crisis of Social Security in Mexico: origins and lessons

The article examines the origins and causes of the public security crisis in Mexico. Due to the rapid growth in the number of victims of war against drug trafficking, in which Mexican drug cartels have taken a leading position in the black markets of the Western Hemisphere, many Mexican cities topped the ratings of the most dangerous places in the world and are not recommended for a visit. This article presents the prognosis of the possible situations in the field of public safety.

Key words: public security, organized crime, drug trafficking, regional security, international security cooperation

Библиографический список

- Bourguignon F. Crime As a Social Cost of Poverty and Inequality: A Review
Cártel organizan fiestas y regalan juguetes por el "Día del Niño" en Tamaulipas / Режим доступа
<http://www.vanguardia.com.mx/cartelorganizanfiestasypregalanjuguetesporeldiadelninoentamaulipas-1734014.html>
- Focusing on Developing Countries. Режим доступа
<http://www.rrojasdatabank.info/facets/facetssp189-209.pdf>
- INEGI / indice general. Режим доступа
http://www.inegi.org.mx/prod_serv/contenidos/espanol/bvinegi/productos/integracion/pais/historicas/EHM%206.pdf
- Koonings K., Kruijt D. Fractured Cities: Social Exclusion, Urban Violence and Contested Spaces in Latin America / Zed Books, 2007 p. 36
- La Seguridad Pública en México de 2006 a 2012. Режим доступа
<http://mucd.org.mx/recursos/Contenidos/Estudiosycifras/documentos2/Seguridad%20Publica%20en%20Mexico%202006-2012%20Portal.pdf>
- México aumentó nivel de pobreza en 2010: Cepal. Режим доступа
<http://eleconomista.com.mx/sociedad/2011/11/29/mexico-aumento-nivel-pobreza-2010-cepal>
- Moloeznik, M.P. The Military Dimension of the War on Drugs in Mexico and Columbia. Crime, law, and social change, 40 (1) 2003 p. 107-112.
- Nieto N. Political Corruption and Narcotracking in Mexico / Режим доступа
http://www2.hu-berlin.de/transcience/Vol3_Issue2_2012_24_36.pdf
- Zamora, Rodolfo Garcia; Covarrubias, Humberto Marques Mexico: violencia y inseguridad. Hacia una estrategia de desarrollo y seguridad humana / Nóma-

das. Revista Crítica de Ciencias Sociales y Jurídicas | Núm. Especial: América Latina (2013) p. 27

Даркина А.В. Проблемы мексиканского участия в североамериканской интеграции / Политические изменения в Латинской Америке: история и современность / Режим доступа

<https://sites.google.com/site/latinoamerikanistika/arhiv-nomerov/2009-5/a-v-darkina-problemy-meksikanskogo-ucastia-v-severoamerikanskoj-integracii>

Мексика в цифрах и фактах / режим доступа <http://inosmi.ru/world/20120704/194490185.html>

Мексика: парадоксы модернизации / Отв. ред. Давыдов В.М., М., ИЛА РАН, 2013, с. 152

Мексиканский наркобарон снова в списке самых богатых людей <http://ria.ru/world/20110310/344403607.html>

Хейфец В.Л. Трансграничное сотрудничество США и Мексики: проблемы и перспективы / Режим доступа <http://ru.forsecurity.org/>

Чумакова М.Л. Наркоугроза и наркополитика // Латинская Америка №8, 2013, с. 38

ПЕРЕВОДЫ

Вальтер Миньоло

ДЕОКСИДЕНТАЛИЗАЦИЯ – НЕ ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ*

Абсолютно убежденные и уверенные в своей правоте западники постепенно становятся достоянием истории. Выход из-под западного влияния представляет собой процесс, который невозможно уже остановить, но при этом он не предполагает и не предусматривает немедленную деколонизацию.

Освобождение от западного влияния и деколонизация – это две формы протеста против западного колониального порядка, но между этими формами существуют значительные различия. Суть освобождения от западного влияния состоит в борьбе за рычаги влияния и управления, за право принятия политических решений. Этот процесс не равнозначен деколонизации или отказу от капиталистической экономики – он является только одним из возможных путей противостояния западному влиянию, которое исходит США и Европы. Деколонизация не ликвидирует экономические привилегии правящей верхушки и среднего класса и не является вызовом самой системе.

Наиболее остро и активно в прошлом обсуждался вопрос о буржуазном, светском и либеральном западноевропейском «национальном государстве». Понятие «государство» принадлежит к числу наиболее устойчивых наследий колониализма, но сейчас и оно ставится под сомнение.

Следует проводить различие между формами управления и государством. Форм управления много, цивилизации и культуры имели и имеют свои формы управления и организации. Если мы называем государством любую форму управления, то автоматически поддерживаем общепринятый характер западной терминологии. Многим это может показаться оскорбительным. За короткую и территориально ограниченную историю западной цивилизации сосуществовали две формы государства: монархически-церковная и светская, которые возникли в результате войн за независимость на американском континенте, начиная с 1776 го-

* *Mignolo W. Desoccidentalizar no es descolonizar / W. Mignolo // Otramerica. De Sur a Norte. – 2013. – 18 septiembre.*

да. Буржуазные государства возникали в Европе после Французской революции. Формой государства как основного инструмента западного влияния является буржуазное и светское современное государство. С другой стороны, мы сталкиваемся и с проблемами «деколонизации государства», например, в Боливии. В Боливии споры о деколонизации имеют разнонаправленный характер. Одни из них были инициированы самим государством, их главными участниками являются боливийские интеллектуалы. Другие дискуссии и дебаты, совершенно противоположные по духу, исходят от Национального совета индейских народов, проживающих в высокогорных районах Боливии. В качестве основных действующих лиц в них выступают представители боливийского интеллектуального сообщества с индейскими корнями.

В первом случае речь идет об антиколониальных тезисах марксистской направленности. Во втором – об антиколониальных тезисах, основанных на древних знаниях, которые старше как самого марксизма, так и возникли до появления европейцев и их потомков на американском континенте, но во всех случаях обсуждается проблема формы правления в современном колониальном государстве. Сам факт этого обсуждения является важным шагом для марксизма и для индейских идеологий.

История Китая и Турции несколько иная. Ни одну из этих цивилизаций не постигла судьба империи инков, равной по площади нынешней Боливии, Перу, Эквадору, северной части Чили и Аргентины вместе взятых. Китай не стал колонией, но при этом не избежал колонизации. Опиумные войны, начавшиеся с 1838 года, нанесли такой ущерб развитию страны, после которого ей потребовалось более века на восстановление. В ходе длительного восстановления после колонизации Дэн Сяопин произвел изменения в экономической политике и добился того, что Китай перестал подчиняться диктату Запада. То есть вывод из-под западного влияния заключается в том, чтобы направить экономическое развитие на нужды укрепления государства. На современном этапе та форма государства, которая пришла вместе с революцией 1911 года подвергается сомнению.

Нечто подобное произошло, вероятно, имело место в Турции. Османская Империя была не колонизирована, а демонтирована в экономическом и политическом смысле. На ее месте возникло современное либеральное турецкое государство во главе с Ататюрком. Сейчас как в Китае, так и в Турции есть понимание того, что создание современного государства на территории их стран стало фактически имперским проектом Запада, вызвавшим замешательство в стане национальных лиде-

ров, которые поверили, что современное европейское государство обеспечит модернизацию Турции и Китая, но сейчас они уже знают, что это не так.

Таким образом, современное европейское государство находится под вопросом. В Боливии это проявляется в процессе деколонизации, инициированном государственными структурами и гражданским обществом. В настоящее время деколонизация и вывод государства из-под западного влияния представляют собой длительные процессы, а не быстрые события. Эти процессы находятся в противоречии с усилением западного влияния, которое в целом направлено на сохранение своего лидерства и предложение всему миру версии «современного, светского и либерального государства».

Усиление западного влияния стало своеобразной реакцией на растущие протестные движения, которыми являются деколонизация и отказ от западного влияния. Выход из-под западного влияния является продолжением борьбы за право принятия решений, в то время как концепция освобождения стран от колониальной зависимости предполагает демонтаж колониальных структур. В мире одновременно идут как усиление западного влияния и борьба с ним. Освобождение от западного влияния придает стимул подобным процессам и формирует такое мироощущение, при котором экономика защищает доходы финансовой верхушки и среднего класса, находящего окончательное счастье и удовлетворение в потреблении.

Самое плохое и неприятное, что может произойти с антиколониальным мышлением, это не то, что его будут изучать в высших учебных заведениях, а то, что оно станет инструментом контроля, но найдутся такие, которые воспользуются деколонизацией как модой для извлечения личной прибыли. Антиколониальное мышление выдвигает тезис о том, что Бразилия и Китай взяли на вооружение капитализм, но, претворяя его в жизнь, отходят от неолиберальных идей, но это – весьма распространенное заблуждение. Антиколониальное мышление не выступает в защиту стран группы БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южно-Африканская Республика) и не поддерживает процесс выхода Китая и Бразилии из-под западного влияния. В соответствии с тезисами антиколониального мышления, это не более чем реакция на усиление западного влияния, а усиление западного влияния является реакцией на выход из-под него. Критический подход четко прослеживается и имеет под собой прочную основу, когда мы говорим, что освобождение от западного влияния – это борьба за возможность принятия решений.

Различия между национальными государствами не только не исчезают, но и усугубляются, в то время как межгосударственные отношения выравниваются. Различия между развитыми и развивающимися государствами исчезают. Различия в промышленно развитых и развивающихся государствах нарастают. Мир уже нельзя рассматривать с точки зрения империализма и революции, а освобождение от западного влияния уже неравнозначно социализму. Мы не вступили в эпоху новой холодной войны.

Западные финансовые институты уже не навязывают рыночную экономику. Правительства и население стран сами охотно поддаются искушениям рыночной экономики и альтернативных моделей они уже не выдвигают. Кроме этого материальными благами современного мира пользуются уже не исключительно представители среднего класса Западной Европы и США, а также некоторых стран со средним уровнем развития и немногочисленным средним классом. Благами пользуется вновь средний класс, в том числе – индейский средний класс Боливии. Это – не альтернативная точка зрения в смысле деколонизации, но альтернативная в смысле выхода из-под западного влияния, освобождения от Запада при помощи капитализма и сильного государства, которое Запад хотел бы уничтожить ради того, чтобы «свободный рынок» приносил прибыль корпорациям и западным странам. Такое положение дел существовало в течение 500 лет. Освобождение от западного влияния поддерживает рыночную экономику, но приносит огромные изменения в современный миропорядок и поэтому игнорировать их, ожидая неких чудодейственных рецептов – большое заблуждение, против которого решительно выступает антиколониальная ментальность.

Вальтер Миньоло – Д-р Философии (École pratique des hautes études, Paris);
Профессор Дьюкского Университета (США)

Walter Mignolo – PhD from the École pratique des hautes études (Paris); Profes-
sor of Duke University

Вальтер Миньоло

Деоксидентализация – не деколонизация

Деколонизация стала важным политическим и экономическим процессом во второй половине XX века. Процессы деколонизации привели к появлению новых национальных и национализирующихся государств. Формально независимые государства в Латинской Америке возникли в первой четверти XIX века. Процессы экономического и политического освобождения латиноамериканских государств начались во второй половине XX века. Политические доктрины национализма, марксизма и коммунизма играли заметную роль в деколонизации региона. Деколонизация стала попыткой трансплантации западных политических институтов. Эти процессы актуализировали роль индейских сообществ в политической жизни стран Южной Америки. Перспективы развития национального государства и различных смешанных идентичностей остаются неопределенными.

Ключевые слова: Латинская Америка, деколонизация, деоксидентализация, национализм, идентичность, постколониализм

Walter Mignolo

Deoccidentalization is not decolonization

Decolonization became an important political and economic processes in the second half of the 20th century. The processes of decolonization led to the emergence of new national and nationalizing states. Formally independent states in Latin America emerged in the first quarter of the 19th century. The processes of economic and political emancipation and liberation of Latin American countries started in the second half of the 20th century. The political doctrines of nationalism, Marxism and communism played a prominent role in the decolonization of the region. Decolonization was an attempt to transplant Western political institutions. These processes actualized role of Indian communities in the political life of South American countries. The prospects of development of Nation-State and different mixed identities are still uncertain.

Keywords: Latin America, decolonization, deoccodentalization, nationalism, identity, postcolonialism

Натан Гардельс
ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА И СОБЛАЗНЫ ПОПУЛИЗМА*

В центре Буэнос-Айреса, на здании Министерства здравоохранения и социального развития, висят огромные портреты Эвы Перон. На том плакате, который направлен в сторону бедных кварталов на юге, ее лицо улыбается и выражает сострадание. Иначе выщадит тот ее портрет, который обращен с торону богатого севера аргентинской столицы: Эва смотрит раздраженно, гневно и вызывающе. Ее лицо словно доминирует над аргентинской столицей, а ее наследие как дух святой незримо витает над будущим континента. Незадолго до смерти Эвы Перон, в 1952 году, парламент Аргентины назвал ее «духовным лидером государства» за работу, направленную на благо обездоленных, которую вело основанное ею же Благотворительное общество. В народной культуре и коллективной памяти Латинской Америки супруги Хуан и Эва Перон стали символами популизма в стране, находящейся под действием протекционистских мер в отношении национальных производителей и социальных программ, которые проводятся в жизнь по инициативе каудильо и финансируются в результате наличия невыносимого долга, который к неконтролируемой инфляции, коррупции, хаосу и недовольству. Все эти факторы содействовали нестабильности и переворотам, хотя на современном этапе армии латиноамериканских государств почти не склонны к участию в путчах – популистская политика продолжает искушать, вероятно, в большей степени, чем раньше потому, что существует политически активный средний класс, который набирает силу благодаря постоянно растущему производству сои, кукурузы, меди, нефти, которые закупает Китай.

Во время демократических выборов требования голосующих играют значительную роль, чем социальная стабильность в долгосрочной перспективе. Будущее никогда никого не волнует. В таком случае неизбежно отодвигаются на второй план макроэкономическая стабильность, инвестиции в развитие инфраструктуры, качественное государственное образование и научные исследования. Характерной чертой популизма являются протекционистские меры в отношении национальных производителей в ущерб международной конкуренции. Динамика исторического развития показывает, что популизм, который игнорирует экономические

* *Gardels N. Latinoamérica y la tentación populista / N. Gardels // El Pais. – 2013. – april 15.*

законы, обречен, что ведет к повторению цикла: долг – инфляция – авторитаризм. Бюджетная ответственность и конкуренция – это необходимые условия работы ответственного и нормального демократического правительства.

В Венесуэле самым ярким примером традиционного популизма стал чавизм. Уго Чавес поставил перед собой цель искоренить чудовищное неравенство и направить доходы от продажи нефти на программы помощи бедным. Их жизнь улучшилась, но к моменту смерти Чавеса уровень инфляции в Венесуэле (23%) был самым высоким в мире, и ей пришлось брать у Китая кредит в 46 миллиардов долларов. Кроме этого Венесуэла дважды девальвировала свою национальную валюту. Враждебное отношение Чавеса к иностранным инвесторам не позволило провести модернизацию нефтяной промышленности, обеспечивающую 95% ее экспорта, который сократился на одну четверть по сравнению с 1999 годом.

Аргентина живет за счет экспорта сои, пшеницы, мяса крупного рогатого скота и полезных ископаемых в Бразилию, Китай и другие страны, но при этом ее расходы таковы, что в 2001 она оказалась не в состоянии выплатить свой внешний долг. В подобной ситуации девальвация национальной валюты стимулировала экспорт и способствовала восстановлению экономики, ее рост снова остановился, а призрак инфляции опять стал реальным, свидетельством чему стала значительная разница между официальным обменным курсом доллара (5 песо за доллар) и параллельным, превышающем 8 песо.

Бразильское «чудо» объясняется китайским спросом на нефть и сою. Благодаря быстрому экономическому росту и таким программам, как «Семейный кошелек» (Bolsa Familia), обеспечивающим оказание помощи бедным, после 2003 года 22 миллиона человек вышли из состояния бедности, а уровень грамотности возрос. В своем стремлении укрепить экономику и создать новые рабочие места для бедных, президент Дилма Русефф прибегает к государственным рычагам, против чего выступали ее предшественники – Лула да Силва и Фернандо Кардозо. Такая стратегия содействует замедлению бразильского экономического чуда. Неэффективные инвестиции в развитие инфраструктуры приводят к тому, что в портах скапливаются сотни грузовиков, груженых соей, а Китай аннулировал контракт на закупку 5% урожая бразильской сои потому, что сроки поставок оказались сомнительными. Для того, чтобы реанимировать судостроение, государственной нефтяной компании Petrobras было рекомендовано покупать суда отечественного произ-

водства, но завышенные цены и задержки в сроках поставки затрудняют транспортировку нефти. Кроме этого открытие месторождений сланцевой нефти по всему миру ставят под угрозу экспорт и это может отрицательно сказаться на ее экономике. Высокие таможенные пошлины на импорт приводят к тому, что многие потребительские товары становятся дорогими. Кроме этого экономика страны слабо диверсифицирована. Если Мексика и Чили заключили договоры о свободной торговле со многими странами, Бразилия подписала подобные соглашения лишь с Палестинской автономией, Египтом и Израилем.

Чили стала Сингапуром западного полушария. Наряду с Колумбией и Мексикой это государство смогло преодолеть популистское искушение: 95% ее сделок совершаются в рамках договоров о свободной торговле – поэтому в Сантьяго можно купить любую вещь из любой страны. Чилийский политический класс смог добиться того, чтобы экономика не зависела от своего главного сырьевого продукта - меди, которая почти целиком экспортируется в Китай. Во время президентства Рикардо Лагоса (2000 – 2006) была принята программа, в рамках которой доходы от будущих контрактов от экспорта меди следовало направить в специальный научный фонд по разработке новых технологий. Лагос в связи с этим утверждал, что «однажды запасы меди закончатся. Нам нужно использовать нынешние ресурсы для финансирования будущего и диверсификации экономики».

Колумбийский президент Хосе Мануэль Сантос представляет собой лидера, который пытается идти по «третьему пути» в стиле Билла Клинтона и Тони Блэра. Он полагает, что хорошее правительство означает «неограниченные возможности для рынка и высокую компетентность правительства». Пытаясь вывести Колумбию из состояния гражданской войны с повстанческой группировкой «Революционные вооруженные силы Колумбии», он закладывает будущее страны, основанное на знаниях, а не на экспорте сырья. Он представил программу обеспечения школьников из наименее обеспеченных семей цифровыми планшетами и подключения широкополосного интернета, следуя примеру Южной Кореи.

В Мексике в период президентства Энрике Пенья Ньето страна начала постепенно отходить от своего популистского прошлого и использовать достижения его предшественника Фелипе Кальдерона (Felipe Calderón) и членство в НАФТА. Доходная часть бюджета превышает его расходную часть. В стране возник многочисленный средний класс и диверсифицированная экономика, которая стала привлекательной для

прямых иностранных инвестиций благодаря высокому техническому уровню, квалифицированным специалистам и близостью к рынку США.

Рост заработной платы в Китае приводит к тому, что в Мексику возвращаются предприятия. НАФТА и другие торговые соглашения способствовали диверсификации и снижению цен на 50%, начиная с 2000 года. Ньето пообещал преобразовать профсоюз работников образования и открыть государственную нефтяную компанию PEMEX для иностранных инвесторов. Без современных технологий и конкуренции она, являясь крупнейшей в стране, оказалась просто не в состоянии модернизироваться. Кроме этого Пенья Ньето смог покончить с партийными распрями, достигнув соглашения с другими крупными партиями в интересах политики реформ.

Кроме этого гонимый Папа Римский Франциск напомнил о своей приверженности делу защиты бедных. Бедность продолжает оставаться серьезной проблемой для Латинской Америки, которая должна решаться путем роста среднего класса. С другой стороны, чтобы не возвращаться в прошлое, демократическим правительствам следует избегать соблазна скрытого популизма, который столько раз приводил к полному откату назад вместо устойчивого развития и стабильного движения вперед. Такова на современном этапе главная задача, которая стоит перед Латинской Америкой.

Натан Гардельс – бакалавр сравнительной политологии, магистр архитектуры и городского планирования; директор «Global Viewpoint Network»

Nathan Gardels – B.A. in Theory and Comparative Politics; M.A. in Architecture and Urban Planning; Global Viewpoint Network Director

Натан Гардельс

Латинская Америка и соблазны популизма

Популизм как политическая идеология и особая форма политического режима, основанная на манипулировании общественным мнением, продолжает играть значительную роль в Латинской Америке. Популизм успешно адаптируется к новым политическим угрозам. Популистские режимы основаны на отрицании прав и свобод человека. Популизм содействует эрозии демократии. Популистские режимы стремятся поддерживать нерыночные модели экономики. С другой стороны, некоторые страны в Латинской Америке смогли эффективно использовать политический и экономический опыт популизма. Экономические реформы и модернизация содействуют экономическому росту. Борьба с бедностью также содействует улучшению общей экономической ситуации. Активное участие в международной экономической интеграции также является позитивным экономическим и политическим фактором.

Ключевые слова: популизм, Латинская Америка, демократия, экономические реформы, экономический рост

Nathan Gardels

Latin America and temptations of populism

Populism as a political ideology and a unique form of political regime based on the manipulation of public opinion continues to play a significant role in Latin America. Populism is successfully adapting to the new political threats. Populist regimes are based on the denial of human rights and freedoms. Populism promotes erosion of democracy. Populist regimes seek to maintain non-market models of economy. On the other hand, some countries in Latin America were able to use the experience of political and economic populism effectively. The economic reforms and modernization assisted to economic growth. The struggle against poverty also assisted to the improvement of the general economic situation. The active participation in international economic integration also was among positive economic and political factors.

Keywords: populism, Latin America, democracy, economic reforms, economic growth

Мурилу Аугушту де Медейруш
**ПОЧЕМУ ПОПУЛИЗМ НЕ УМИРАЕТ В
ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ***

Мир стал свидетелем падения Берлинской стены 20 лет назад. Марксистские и социалистические революции уже стали частью истории XX столетия, а биполярное противостояние США с СССР больше не доминирует на политической арене современного мира. Но и в этой ситуации сохраняет актуальность вопрос: «Почему в Латинской Америке главы государств популистского толка так настойчиво возрождают, реанимируют и осуществляют неудачную политическую доктрину прошлого?». Почему мы и доныне продавливаем марксистскую точку зрения и ласкаем менталитет «холодной войны», отделяя север нашего континента, проводя в жизнь классовую вражду между богатыми и бедными на социальной и этнической почве? Во всяком случае, что происходит с нашей демократией, которую душат режимы, нарушающие республиканские основы и те режимы, которые не признают права и свободы человека?

С давних пор известно, что необходимой предпосылкой для какого-нибудь демократического правительства является защита гражданских свобод. Однако, даже для минимального определения демократии, которая характеризует демократическую систему, не хватит ни делегирования гражданам права принимать участие в принятии коллективных решений, ни избирательного процесса. Необходимое третье условие: требуется, чтобы те, кто призваны принимать решения, имели реальную возможность свободно выражать мнение при соблюдении законов и демократических принципов.

Популизм именно это и игнорирует, прикрываясь извращенной демократией, которая не учитывает права и свободы человека. Латинская Америка является недвусмысленным примером того, когда экономический и политический популизм отрицает даже самые явные свои неудачи. Преследования СМИ, давление на суды, изгнание политических противников, государственный контроль над экономикой, идеологизированное образование и отрицание свобод – отличительные черты тех стран Латинской Америки, которые существуют под властью правительств, за-

* *Medeiros M.A. de, Por que o populismo sobrevive na América Latina? / M.A. de Medeiros // Globo. – 2011. – 9 setembro.*

интересованных в «социализме XXI века». В подобной ситуации в наибольшей степени поражает то, что еще находятся люди, готовые им доверять, сочувствующие им, готовые вдохнуть новую жизнь в идеи, которые казались вымершими.

Среди причин повышенной уязвимости демократий, по сравнению с авторитарными режимами, наиболее значимые – неминуемые клиентские отношения, которые поддерживает какое-нибудь государство с народными массами. Существуют харизматичные правительства, которые используют личную власть, в основе легитимности которой лежат не заслуги лидера, а политика, которая выставляется в самом простом и привлекательном свете. Поэтому теория не переходит к очевидным и насущным потребностям, то есть, правительства действуют по принципу: «Говорим одно, делаем другое». Мы можем вспомнить Гитлера, Муссолини, Жетулиу Варгаса, Сталина, Фиделя Кастро, Перона, Чавеса, Мао и многих других, которые буквально гипнотизировали массы фантастическими обещаниями, тогда как в результате получался исключительно хаос.

В Латинской Америке ставится на карту будущее демократии. Что формирует правильное демократическое правительство, если не строгое соблюдение установленных правил игры? К сожалению, демократическими принципами манипулируют для подрыва самой демократии. Впрочем, никто не подвергает сомнению, что вступление Венесуэлы в МЕРКОСУР означает ратификацию авторитарных проектов полковника Чавеса. Разве они не являются угрозой стабильности стран Латинской Америки путем финансирования и поддержки радикальных групп из соседних стран и союза с кубинской диктатурой Фиделя Кастро?

Учитывая эти рассуждения, возникает и другой вопрос: почему так тяжело понять, что цель всех современных политических и правовых институтов – защита свобод человека от вмешательства со стороны правительства? В связи с неумолимым ходом времени, многие не заинтересованы в изменениях и отказе от старых добрых традиций демократии на режимы, нападающие на конституционные свободы. Догматизм нынешних латиноамериканских левых – ни что другое, как внутреннее противоречие и запутанная смесь разных несовместимых доктрин, худшая из которых боливарианский каудилизм, представляющий собой собрание фальсифицированных предположений, перемежающих софистику и ошибочные концепции давнего прошлого.

Возможна ли ситуация, чтобы молодые идеалисты и заинтересованные взрослые смогли отказаться от своей свободы и добровольно

передали себя в руки всемогущего правительства? Кто будет искать радость в системе, где вашей задачей будет существование в качестве еще одной детали в огромной машине, созданной и управляемой всемогущим правительством? Вероятно, Латинская Америка усыплена неким наркозом или нас уже ничего не интересует, но угроза состоит в том, что это новое политическое явление в Латинской Америке готово презирать свободы и права человека и демократии.

Мурилу Аугушту де Медейруш

Почему популизм не умирает в Латинской Америке

Популизм как политическая идеология и особая форма политического режима, основанная на манипулировании общественным мнением, продолжает играть значительную роль в Латинской Америке. Популизм успешно адаптируется к новым политическим угрозам. Популистские режимы основаны на отрицании прав и свобод человека. Популизм содействует эрозии демократии. Популистские режимы стремятся поддерживать нерыночные модели экономики.

Ключевые слова: популизм, Латинская Америка, демократия, размывание демократии

Murilo Augusto de Medeiros

Why populism not die in Latin America

Populism as a political ideology and a unique form of political regime based on the manipulation of public opinion continues to play a significant role in Latin America. Populism is successfully adapting to the new political threats. Populist regimes are based on the denial of human rights and freedoms. Populism promotes erosion of democracy. Populist regimes seek to maintain non-market models of economy.

Keywords: populism, Latin America, democracy, erosion of democracy

Лиана Андерсон
БРАЗИЛИЯ:
ОБЗОР ДИАПАЗОНА УГРОЗ

Бразилия – огромная страна, которая занимает почти половину Южной Америки и значительную часть ее восточного побережья. Хотя на долю возобновляемой энергии приходится 47 процентов всей производимой в Бразилии энергии, что намного выше среднемирового показателя, Бразилия – источник немалой части общемировых выбросов парниковых газов. Главная причина – быстрое сокращение лесов в бассейне Амазонки. Амазония – наибольший в мире тропический лес – раскинулась на девять стран, но наибольшая ее площадь находится на территории Бразилии. Дождевые леса являются гигантскими резервуарами углерода. Когда их расчищают и выжигают, двуокись углерода и другие парниковые газы выбрасываются в атмосферу. Установлено, что они способствуют изменению климата и содействуют глобальному потеплению.

Согласно Рамочной конвенции ООН по изменению климата, с учетом оценок выбросов при изменениях в землепользовании в лесном хозяйстве на долю Бразилии приходится 12,3 процента всех выбросов, которые дает 151 государство. В основном, это развивающиеся страны, которые не поставили перед собой целей по сокращению выбросов в соответствии с Киотским протоколом.

Бразилия ежегодно выбрасывает в атмосферу около 1 миллиарда тонн углекислого газа. 75 процентов выбросов стали следствием сокращения лесов. Исследовательские оценки показывают, что в бассейне Амазонки общая биомасса составляет 86 петаграммов углерода, что эквивалентно количеству выбросов CO₂ за последние 11 лет. Падение территории, занятой лесами, сократило за последние три десятилетия площадь амазонских лесов на 15 процентов. Движущими силами этого процесса были расширение инфраструктуры в границах лесов и рост мирового спроса на сою, говядину, древесину. Изменение климата также содействует росту числа засух в этом регионе. Оксфордский университет совместно с НАСА и бразильскими учеными доказал тесную связь между засухами и учащением лесных пожаров, в результате чего общее количество углерода, который выбрасывается в атмосферу, увеличивается почти вдвое.

Для борьбы с главным бразильским источником выбросов парниковых газов – сокращением лесов – правительство Бразилии в 2008 году приняло Национальный план по изменению климата, предусматривающий замедление процессов сокращения лесов Амазонии к 2017 году на 70 процентов по сравнению с периодом 1996 – 2005 годов. Эта инициатива стала важной стратегией смягчения глобального изменения климата путем сохранения лесов. Правительство также создало возможности для финансирования и политического сотрудничества. На Конференции ООН по изменению климата на Балле (декабрь 2007 года) страны договорились включить платежи по статье «Сокращения выбросов в результате деградации лесов» в схему Киотского протокола.

Однако сельва – не единственная экосистема, которая сталкивается с угрозами изменения климата. Континентальная протяженность Бразилии требует многомерного подхода к адаптации и смягчению последствий от этого процесса. Бразильские и американские ученые, проверяющие разные сценарии глобального потепления, оценивают массовые потери биологических видов примерно в 50 процентов от потенциального распространения биологических видов. Северо-Восточная Бразилия, бедный регион страны, в наибольшей степени сталкивается с такими угрозами. Программа «Доступность воды и уязвимость экосистем и общества», осуществляемая в сотрудничестве между Бразилией и Германией, рекомендует тщательным образом строить долгосрочные планы использования ресурсов, поскольку речные потоки и растениеводство особенно уязвимы в результате изменения климата.

Изменение климата, скорее всего, будет воздействовать на сельскохозяйственное хозяйство в Южной Бразилии – важнейшем регионе для таких культур, как картофель, пшеница, рис, кукуруза и соя. Хотя модели повышения концентрации CO₂ в атмосфере показывают благоприятные результаты для этих культур, последствия повышения температуры воздуха и неопределенности в режиме осадков в результате изменения климата значительно снизят производительность сельского хозяйства в этом регионе. Это повлияет на возможность контролировать урожайность сельскохозяйственных культур и потребует адаптационных стратегий от производителей и правительства. Инвестиции в технологии сыграют решающую роль в смягчении действия изменения климата на продовольственное снабжение. Для смягчения последствий климатических изменений в этом отдаленном регионе необходимо безотлагательное улучшение инфраструктуры, информационных и коммуникационных сетей.

Серьезную обеспокоенность вызывает и здоровье населения. Изменения окружающей среды модифицируют формы передачи трансмиссивных заболеваний и территорию их распространения. Исследования в Бразилии выявили значительный рост числа случаев лейшманиоза – потенциально смертельного паразитарного заболевания. В ответ на широкий диапазон угроз Бразилии, которые могут возникнуть в результате изменения климата, правительством и научным сообществом уже приняты многие меры. Расширение международного научного сотрудничества позволило значительно лучше узнать свойства бразильских экосистем и их взаимодействие с окружающей средой и населением. В 2008 году Исследовательский фонд штата Сан-Паулу начал программу «Глобальное изменение климата», вложив в научные проекты более 7 миллионов долларов.

Достижение конечной цели Бразилии – сокращение выбросов парниковых газов и смягчения последствий изменения климата – требует многонациональных междисциплинарных исследований, которые проводятся научным сообществом, политических действий, активного участия граждан, широкого распространения информации и эффективного сочетания региональной и международной политики по обеспечению и закреплению результатов.

Лиана Андерсон – Д-р философии, специалист по проблемам выбросов и окружающей среды, Институт изменения окружающей среды, Оксфордский Университет (Оксфорд, Великобритания)

Liana Anderson – PhD., Post Doctoral Research Associate in Land Cover Dynamics and Carbon Emissions, Environmental Change Institute, Oxford University

Лиана Андерсон

Бразилия: обзор диапазона угроз

Бразилия принадлежит к числу динамично развивающихся и растущих экономик современного глобализирующегося мира. Бразилия сталкивается с многочисленными трудностями и проблемами. Экологические проблемы играют особую роль в жизни современной Бразилии. Экономические и социальные проблемы и противоречия также снижают адаптивный потенциал страны. Региональные диспропорции тоже влияют на темпы развития Бразилии. Изменения климата и экологические трудности стимулируют бразильское правительство предлагать новые стратегии развития страны.

Ключевые слова: Бразилия, экология, изменения климата, сельва, регионализация

Liana Anderson

Brazil: Overview of a Range of Threats

Brazil belongs to a number of dynamically growing economies of the contemporary globalizing world. Brazil faces with numerous difficulties and challenges. The environmental problems play a special role in the life of modern Brazil. Economic and social problems and contradictions also reduce adaptive potential. The regional disparities also affect the development speed of Brazil. The climate changes and environmental challenges stimulate Brazilian government to offer new development strategy.

Keywords: Brazil, environment, climate change, selva, regionalization

Оскар Эспиноза Чепе
**СВОБОДНЫЕ РЫНКИ И ДЕМОКРАТИЯ:
ОПЫТ КУБЫ**

После почти 50 лет тоталитарного режима на Кубе потеря свободы, и особенно свободы передвижения на экономическом рынке, оказала самое гнетущее воздействие на все стороны жизни кубинского общества. Процесс, который начался в 1959 году и породил так много иллюзий, со временем превратился в систему государственного подавления, которая к настоящему времени встала на пути прогресса.

Под предлогом утверждения системы «гармоничного и пропорционального развития» свободный рынок в стране был заменен на механизм централизованного планирования, заимствованный в Советском Союзе и основанный на безапелляционном волеизъявлении власти предержащих, что привело к многочисленным перекосам, перегибам и, как результат, бессмысленной трате ресурсов. Такое положение сохранялось до конца 1980-х годов благодаря колоссальным субсидиям, которые в результате ввергли кубинское общество в самый глубокий кризис за всю историю страны, из которого она доныне не в состоянии выйти.

Возникает вопрос: для чего нужно было отказываться от свободного рынка, который был основным инструментом распределения ресурсов страны, на бюрократическую систему централизованного планирования? Почему эту систему сохраняют, несмотря на все провалы централизации, которые периодически повторяются? Ответ на эти вопросы заключается в том, что система основана на интересах определенной группы людей, чьей единственной задачей является сохранение абсолютной власти над кубинским обществом. Кроме этого политическая прибыльность этой системы очевидна независимо от того, какие страдания, отсталость и деградацию она с собой несет.

Тем же следует объяснять и массовые конфискации имущества, намного более распространенные на Кубе, чем в странах, которые также стонут под игом централизации и попыток ликвидировать все элементы экономической свободы. Эта стратегия имела целью строгий контроль над населением путем обращения граждан в бесправных существ, полностью зависимых от всемогущего государства.

Экономические, социальные, политические, демографические и экологические последствия оказались для Кубы катастрофическими: велик потери, нанесенные духовным ценностям народа, который сильно

пострадал в результате кризиса. Во внимание следует принимать и глубокую и опасную зависимость от Венесуэлы.

На уровне экономики процесс потери человеческого и материально-го капитала повлиял на общество в целом. Сегодня Куба, в прошлом богатая, самодостаточная сельскохозяйственная страна, по официальным данным импортирует 84 процента продовольствия для своих основных потребностей – в основном из Соединенных Штатов. Когда-то крупный мировой поставщик сахара, сейчас покупает сахар за границей. При этом более 50 процентов пахотных земель покинуто и не используется. В то же время, в результате низкой заработной платы, в среднем около 20 долларов в месяц, чтобы выжить, население вынуждено идти на преступления. В результате, по данным ООН, Куба стала страной с наивысшим в мире процентным отношением заключенных к населению страны.

Куба является грустным примером последствий отсутствия свободы. И очень возможно, что Куба отстанет еще сильнее, пока остальной мир будет решать проблемы глобализации и интеграции. Тогда как эти силы создают огромные возможности развития, они также требуют значительного усиления конкурентной борьбы, в которой эффективность, производительность и инициативность играют все более важную роль. Эти качества невозможно развивать в условиях общества, в котором правит страх, свобода объединений и свобода слова запрещены, а значит, отсутствует полемика и свободный обмен идеями, то есть те формы, которые так необходимы для поиска лучших путей к прогрессу.

Ситуация настолько очевидна, что даже в среде кубинского правительства начинают звучать голоса, пусть нерешительные и непоследовательные, о необходимости реформ, в особенности – экономических. Такие намеки можно найти в выступлениях генерала Рауля Кастро, который 24 февраля 2008 года возглавил как Государственный Совет, так и Совет Министров.

Возможно, упомянутые изменения станут началом постепенного процесса реформ и принесут кубинскому народу свободу. Однако если снова возникшие надежды вновь будут обмануты, единственным результатом станет неизбежная дестабилизация кубинского общества.

Оскар Мануэль Эспиноза Чепе (1940 – 2013) – кубинский экономист и диссидент

Óscar Manuel Espinosa Chepe (1940 – 2013) – Cuban economist and dissident

Оскар Эспиноза Чепе

Свободные рынки и демократия: опыт Кубы

Куба является страной с недемократическим авторитарным режимом. Политическое пространство в стране контролируется элитами, которые консолидируются вокруг братьев Фиделя и Рауля Кастро. Экономика Кубы принадлежит к числу несвободных, контролируемых государством экономик. Отсутствие свободного рынка стимулирует многочисленные экономические и социальные проблемы. Авторитарный политический режим и экономические сложности также содействуют институционализации зависимости Кубы от Венесуэлы.

Ключевые слова: Куба, экономика, свободные рынки, плановая экономика, авторитаризм, зависимость

Oscar Espinosa Chepe

Free Markets and Democracy: The Cuban Experience

Cuba is a country with the non-democratic authoritarian regime. Political landscape in the country is controlled by elites that consolidates around brothers Fidel and Raul Castro. Cuba's economy is among the unfree state-controlled economies. The free market absence stimulates numerous economic and social problems. The authoritarian political regime and economic difficulties also assist to institutionalization of Cuban dependency from Venezuela.

Keywords: Cuba, economy, free markets, the planned economy, authoritarianism, dependency

Патрик О'Коннор
НОВЫЙ ПАПА РИМСКИЙ И ПОПЫТКИ
ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА*

Бывший кардинал Буэнос-Айреса, Хорхе Марио Бергольо избран новым главой Католической Церкви. За процессом нового «папы Франциска» следили практически все СМИ. Главы государств спешили его поприветствовать. Церковь и ее союзники из правящих элит используют данный повод, чтобы католицизм смог пережить многочисленные скандалы, связанных с коррупцией и сексуальными преступлениями.

Беспрецедентная отставка Йозефа Ратцингера с должности папы глубже погрузила Церковь в состояние кризиса. При этом Церковь – это тот институт, который на протяжении двух тысячелетий был оплотом реакции. Бергольо – первый за последние 1200 лет папа, который не является европейцем – и первый папа из ордена иезуитов. Бергольо ранее был членом различных департаментов Ватикана, он никогда не работал в самом Ватикане – в отличие от Ратцингера, который большую часть карьеры работал в римском церковном аппарате. Кардиналы питают надежду, что назначение на должность папы «человека со стороны» поможет реорганизовать сам институт Церкви, которая часто упоминается в репортажах о сомнительных финансовых сделках, отмывании денег, дрязгах и склоках, всплывающих...

...ясно, что отставка Ратцингера была вызвана этими скандалами. Официальной причиной отставки было названо «состояние здоровья», Католическая Церковь сейчас избрала 76-летнего папу... у которого, к тому же только одно легкое... тот факт, что папой избрали аргентинца... должно усилить международные позиции Церкви. Результат подсчета голосов отчасти связан с демографическими вопросами – количество активных католиков в Европе сокращается. Немногие хотят стать священниками, невозможно сохранить существующие приходы без постоянного «импорта» священников из стран Латинской Америки.

Около 40% всех католиков проживают в Центральной и Южной Америке, но и тут Католической Церкви приходится сталкиваться с давлением конкурентов со стороны евангелических групп. В этих странах

* Публикуется по: O'Connor P. New pope elected as Catholic Church tries to stem crisis / P. O'Connor. – (<https://www.wsws.org/en/articles/2013/03/14/pope-m14.html>). Перевод с английского М.В. Кирчанова.

все большее количество молодежи отвергает религию в принципе. В Аргентине мессу регулярно посещают менее 10% населения.

За избранием Бергольо стоят политические интересы. В Латинской Америке Церковь долго работала с реакционными силами, была союзником американского империализма в борьбе против левых движений рабочего класса и угнетаемого крестьянства. По всему континенту заметен резкий рост социального неравенства. В Латинской Америке происходит массовое сопротивление «свободному рынку»... Католическая Церковь готова вмешаться, чтобы свести на нет угрозу социальной революции...

Президент США Барак Обама приветствовал папу Франциска, назвав его «поборником бедных и наиболее уязвимых слоев населения», добавив, что это «первый папа-американец, а его избрание также свидетельствует о потенциале всего региона, который все в большей степени оказывает влияние на весь остальной мир»... Международные СМИ проигнорировали весьма серьезные вопросы, возникшие в Аргентине в связи с избранием Бергольо, а именно – его роль в период правления военных в 1976 – 1983 годы, когда около 30 тысяч противников хунты «пропали без вести»... Католическая Церковь поддерживала отношения с аргентинскими военными... Бергольо принял сан в 1969 году и являлся «провинциалом ордена иезуитов» (главой ордена) Аргентины с 1973 по 1979 год. Позднее он стал ректором философско-теологического факультета в колледже Сан-Мигель, в 1990-е годы его начал активно продвигать по иерархической лестнице папа Иоанн-Павел II.

В годы правления хунты Бергольо работал в ордене иезуитов над исполнением эдиктов Ватикана, направленных на критику «теологии освобождения» – течения, созданного сторонниками реформизма в Католической Церкви в Южной Америке. Сторонники «теологии освобождения» пытаются сосредоточить внимание на участи беднейших слоев населения, дабы сохранить позиции Церкви в среде рабочего класса, радикализация которого наблюдается по всему континенту.

В 1976 году Бергольо потребовал, чтобы два священника-иезуита (Орландо Йорио и Франсиско Халикс) прекратили проповедовать теологию освобождения и покинули трущобы, где они работали... Бергольо исключил их из ордена... оба священника были похищены военными и подвергнуты пыткам...

Известный аргентинский журналист Орасио Вербицки писал в своей книге «Молчание» (2005): «Он ставил безопасность Общества Иисуса выше безопасности отдельных священников». В 2005 году, после ис-

ка правозащитников, дело рассматривал аргентинский суд – вопрос до сих пор остается открытым. Бергольо отрицал все обвинения – обвиняя Вербицки в клевете, и утверждал, что он имел дело с представителями хунты по поводу ареста двух священников, способствуя их освобождению.

Бергольо привлекался к суду для дачи показаний по этому делу, что было связано с заявлением сотрудницы католической благотворительной организации бывшей заключенной Марии Фунес. Она свидетельствовала по делу о пропаже без вести двух французских монахинь (Алисы Домон и Леони Дуке) и заявила, что те двое священников-иезуитов тоже были похищены военными после того, как Бергольо от них отрекся и отказался выступить в защиту. Бывший депутат парламента и адвокат Луис Самора описывает поведение Бергольо на суде, как «скрытное»...

Бергольо обвинялся в том, что игнорировал просьбы о помощи со стороны семьи, пятеро членов которой были убиты военными... Бергольо предоставил это дело своему младшему коллеге, который удовлетворялся отпиской военных... после падения диктатуры нынешний папа Франциск старательно пытался защитить от преследований преступников из числа военных.

В 2006 году он поддержал протест, организованный бывшими военными и правыми силами, которые требовали полной неприкосновенности от преследований в связи с преступлениями, совершенными в годы правления хунты. В 2012 году, в ответ на то, что много аргентинцев критиковало Церковь за ее поведение в годы диктатуры, Бергольо формально принес извинения, не забыв возложить равную долю ответственности за насилие на левых противников диктатуры.

«История свидетельствует против него», – говорит репортеру Reuters Фортунато Малимачи, бывший декан Факультета социологии Университета Буэнос-Айреса, – «она показывает, что он не только является противником любых обновлений в церкви, но и доказывает, что с военными ему на самом-то деле было гораздо приятнее».

Patrick O'Connor

New Pope elected as Catholic Church tries to stem crisis

Catholic Church traditionally played the considerable role in Latin America. In this region Church belongs to the number of influential social and economic institutes. The role of Catholic Church in political life also does not cause any doubts. Election of Argentina representative as the Pope on the one hand testifies the power of Catholicism in the region. On the other hand, dissatisfaction by the Church role in the authoritarian regime grows in Argentina.

Keywords: Latin America, Argentina, Catholic Church

Патрик О'Коннор

Новый Папа Римский и попытки преодоления кризиса

Католическая Церковь традиционно играла значительную роль в Латинской Америке. В этом регионе Церковь принадлежит к числу влиятельных социальных и экономических институтов. Роль Католической Церкви в политической жизни также не вызывает сомнений. Избрание Папой представителя Аргентины, с одной стороны, свидетельствует о мощи южноамериканского католицизма. С другой стороны, в Аргентине растет недовольство ролью Церкви в авторитарных режимах.

Ключевые слова: Латинская Америка, Аргентина, Католическая Церковь

ПОЛЕМИКА

М.В. Кирчанов

КАКАЯ ЛАТИНОАМЕРИКАНИСТИКА НАМ (НЕ) НУЖНА:

заметки вовлеченного маргинала

В 2007 году российский историк-медиевист Павел Уваров в одном из интервью подчеркнул, что «советский историк всегда готов был дать отпор буржуазным фальсификаторам, но и со своими соотечественниками он полемизировал не менее яростно»¹. Этот накал полемики и дискуссионности в гуманитарных и социальных науках, в том числе – и в отечественной латиноамериканистике, резко спал в 1990 – 2000-е годы, хотя некоторые публикации, например Автора этих строк², носили откровенно провокационный характер, ответной реакции, за исключением нескольких частных пожеланий, не вызвали. Казалось бы отечественная латиноамериканистика и в дальнейшем будет развиваться в условиях пресловутой «консервативной стабильности», но ряд публикаций в журнале «Латинская Америка», кажется, свидетельствует о том, что российские латиноамериканисты не утратили способности полемизировать.

Итак, напомним основные этапы новейшей дискуссии среди российских латиноамериканистов.

Инициатором обсуждения актуальных и острых проблем современного состояния латиноамериканских исследований в России выступил старейший отечественный бразиловед Б.И. Коваль, который в своей полемической статье затронул ряд проблем, связанных с разрушением традиционной структуры научного сообщества, поколенческим разрывом между российскими латиноамериканистами, сужением изучаемой тематики. Б.И. Коваль стал одним из первых столичных латиноамериканистов, который открыто признал как периферийный статус российской латиноамериканистики, так и значительный уровень ее идеологизации и политизации в советский период, подчеркнув, что «вся исследовательская работа велась в жестких политических и идеологических веригах... сталинские традиции контроля и после смерти вождя долгое время сохранялись в полной мере. Это были и прямая цензура, и строгие партразборки и официальные осуждения, и отстранения от работы, вплоть

¹ Свобода..., 2007.

² Кирчанов, 2010; Кирчанов, 2013.

до арестов и изгнания из страны»³. То, о чем раньше позволяли писать себе только маргинализированные провинциалы, для которых латиноамериканистика никогда не была основной сферой интересов, впервые озвучено одним из классиков российского бразиловедения.

Суждения и оценки Б.И. Ковалья носят жесткий и порой весьма категоричный характер, так что они не могли долго оставаться без ответа, который последовал крайне быстро. В том же номере «Латинской Америки», где опубликована полемическая заметка, о которой речь шла выше, увидела свет и статья директора Института Латинской Америки РАН В.М. Давыдова⁴, признавшего проблемы, о которых пишет Б.И. Коваль, но и указавшего на определенные достижения российской латиноамериканистики, точнее – только ее головного института, в 1990 – 2000-е годы. Перечисление достижений, которые скорее надо оценивать как ухищрения, вызванные желанием сохранить ИЛА РАН как самостоятельный институт, а латиноамериканистику в качестве отдельной сферы междисциплинарного знания, составляет большую часть текста, опубликованного В.М. Давыдовым, что вполне нормально и естественно, если принимать во внимание его официальный статус, требующий определенного стиля. В целом же, складывается впечатление, что оба участника предполагаемой дискуссии говорят на разных языках, точнее – описывают различные стороны проблемы – Б.И. Коваль в большей степени касается теоретических и методологических проблем, В.М. Давыдов – трудностей, связанных с выживанием ИЛА РАН в условиях переходного и современного периодов в его новейшей истории.

Принимая во внимание консервативный характер развития отечественной латиноамериканистики, дискуссия могла бы и завершиться, но последовал третий акт, возможно, инициированный П.П. Яковлевым⁵, который присоединился к обсуждению проблем, стоящих перед российской латиноамериканистикой. П.П. Яковлев затронул еще одну из проблем, с которой сталкивается современная латиноамериканистика в России – незнание или порой просто игнорирование московскими исследователями работ из других регионов или даже простое замечание журнала «Латинская Америка», что отразилось в упомянутой монографии «Латино-Карибская Америка в контексте глобального кризиса»

³ Коваль, 2013.

⁴ Давыдов, 2013.

⁵ Яковлев, 2013.

(2012), в которой, по наблюдениям П.П. Яковлева, имеется всего одна ссылка на крупнейший российский латиноамериканистский журнал.

Таким образом, три российских (московских) автора обратились к актуальному состоянию развития отечественной латиноамериканистики, выделив в качестве центральных проблем методологические и теоретические вопросы, организационные сложности, сложности с издательской деятельностью (в том числе, с публикацией самой «Латинской Америки», которая предоставила свои страницы для этой дискуссии), цитируемость и связи между учеными-латиноамериканистами из разных регионов. Конечно, все эти проблемы важны, но для Автора этих строк наиболее актуальными представляются сложности, связанные с теоретическим и региональным развитием российской латиноамериканистики.

Организационная проблема отечественной латиноамериканистики выглядит в большей степени искусственной и надуманной: в Москве латиноамериканистика формализована и институционализирована (существует ИЛА РАН) в то время как в регионах (например, в Воронежском государственном университете) ее бытие в большей степени носит неформальный, своего рода «теневой», характер – в структуре Факультета международных отношений ВГУ «существует» Воронежское отделение РАИИМ, фактически будучи представленным лишь «на бумаге», без отражения в локальных актах университета. Эта полужформальная структура существует с 2006 года и каким-то образом «умудряется» заниматься издательской деятельностью, будучи причастной к появлению ряда монографий, учебных пособий и сборника статей («Политические изменения в Латинской Америке: история и современность»), трансформировавшегося в полупериодическое издание (с 2010 года выходит с ISSN и периодичностью дважды в год, с 2013 – трижды). Таким образом, современная российская латиноамериканистика только и исключительно Москвой не ограничивается, а в приличном состоянии существует в Санкт-Петербурге и в менее приличном (в силу институционально-организационной незавершенности) в Воронеже и других городах.

Проблема методологического измерения латиноамериканистики и теоретического уровня отдельных работ, посвященных латиноамериканской проблематике, представляется более актуальной и важной. Автор этой заметки уже неоднократно писал о том, что советская латиноамериканистика развивалась в условиях идеологизация⁶, а современная – ме-

⁶ Кирчанов, 2013.

тодологического и теоретического застоя⁷, узкокорпоративной ограниченности, указывая на игнорирование как латиноамериканских (в частности – бразильских) исследовательских подходов, так и достижений американских *Latin American Studies*. Позитивным фактом следует признать уже и то, что на страницах такого журнала как «Латинская Америка» были опубликованы весьма жесткие суждения Б.И. Коваля. Публикации откликов и других участников дискуссии (В.М. Давыдов, П.П. Яковлев) указывают на определенную фрагментацию российского латиноамериканистского сообщества, содействуя актуализации вопроса о последующем развитии отечественной латиноамериканистики. Вероятно всех вышеупомянутых авторов волнует то, как будет развиваться латиноамериканистика в современной России, но никто этот фактически провокационный вопрос не озвучил.

Почему этот вопрос «провокационный»? Потому, что обращение к нему чревато вскрытием таких проблем на фоне которых текст Б.И. Коваля покажется верноподданнической реляцией во славу российской латиноамериканистики. Какой мы хотим видеть российскую латиноамериканистику? Прежде чем ответить на этот вопрос, надо попробовать ответить на другой, связанный с ее современным состоянием, а состояние это особого оптимизма не вызывает. Рискую повторить уже неоднократно опубликованное в более ранних статьях, подчеркну, что отечественные латиноамериканистские исследования в России развиваются крайне инерционно, испытывая методологическую и теоретическую зависимость от старых советских интерпретаций и объяснений. Именно поэтому автор этих строк неоднократно писал о несоветском характере и стиле значительной части публикаций по Латинской Америке, которые издаются в современной России.

В подобной ситуации обсуждение теоретического и методологического уровня отечественной латиноамериканистики, к чему призывает Б.И. Коваль, маловероятно: методологические дискуссии претят значительной части российских латиноамериканистов, так как просто пребывают за пределами их понимания. В этом контексте вызывает удивление уже сам факт публикации статьи Б.И. Коваля в журнале «Латинская Америка», известным публикациями текстов левых и радикальных политиков, а также своим несоветским стилем и неприятием тех текстов и теорий, которые пребывают за пределами левого дискурса. В целом, в журнале «Латинская Америка» на современном этапе доминирует не-

⁷ Кирчанов, 2010.

осоветский дискурс, который представляет квинтэссенцию публикаций левоориентированных авторов и политиков или просто текстов о левых в политике с почти полным игнорированием не только пребывающих на противоположном полюсе правых политиков, но и даже текстов зарубежных левых, марксизм которых не укладывается ни в какие рамки, установленные редакционной коллегией «Латинской Америки». Правда, в российской латиноамериканистике имеет место быть и другая крайность: воронежские «Политические изменения в Латинской Америке» издают переводы как левых, так и правых латиноамериканских и западных авторов, что порой выглядит искусственно и не очень органично. Кроме этого, мы – маргиналы в российском латиноамериканистском сообществе, так как ориентируется не на марксизм-ленинизм и исторический материализм в их новейших модификациях, а на методы, принятые в современных гуманитарных науках в целом.

Ответ на вопрос о том, какой хотелось бы видеть российскую латиноамериканистику, не столь очевиден. Вероятно, было бы лучше, если бы она была другой, не столь откровенно неосоветской как в «Латинской Америке» и не столь потсмодернистской и конструктивистской как в «Политических изменениях в Латинской Америке». Вообще, когда речь заходит о современном состоянии «Латинской Америке» мне невольно вспоминается анекдот: «Разговор редакторов двух журналов: “Ваш журнал ВАКовский”. “Что Вы?! Наш – научный”». Это вовсе не означает того, что автор отказывается от всех своих критических высказываний и интерпретаций относительно постсоветских травм латиноамериканских студий в постсоветской России. Автор тем более не отказывается от того, что современной российской латиноамериканистике необходимо радикальное инвазивное вмешательство в виде ампутации неосоветских атавизмов с соответствующей трансплантацией методологических подходов и принципов, предложенных западными коллегами.

Вероятно, многие латиноамериканисты согласятся с тем, что латиноамериканистика должна быть другой, но вопрос в природе и характере ее дружности и инаковости.

Конечно, возможна радикальная реставрация советского дискурса. Думаю, что журналу «Латинская Америка» не составит особого труда вернуться к старым принципам: благо, что многие его авторы от них и не отходили. Но это – и путь в никуда. Российской латиноамериканистике нужно и необходимо меняться и трансформироваться иначе не избежать методологического кризиса и тупика, который в конце 1980-х охватил советскую модель гуманитарного и общественного знания, окончательно

добив ее в начале 1990-х. В отличие от других направлений гуманитарных и общественных наук, современная отечественная латиноамериканистика продолжает в значительной степени оставаться традиционной, изолированной и чрезвычайно советской формой знания, словно более чем 20 лет активного приобщения к западному опыту имели место не в России, а в какой-то другой стране.

Более продуктивным и перспективным представляется другой путь – путь приобщения к западной методологии. Современная российская латиноамериканистика, в частности – исторические исследования, к сожалению, почти не применяют междисциплинарный потенциал новейших для нее теорий и методов, который активно и продуктивно используется другими российскими историками при изучении как всеобщей, так и отечественной истории. Вероятно, следует подвергнуть определенной ревизии излишнюю любовь определенной части российских латиноамериканистов к злоупотреблению цитированием исключительно испаноязычной (и отнюдь не самой новой, то есть актуальной) литературой. Обращение к англоязычной и не только литературе может создать новые стимулы для развития латиноамериканистики. Не менее продуктивным может стать и перенос (который отчасти имеет место быть на страницах воронежских «Политических изменений в Латинской Америке») теорий национализма и идентичностей, интеллектуальной истории и истории идей, имперской истории, истории ментальностей, истории повседневности, исторической и экономической антропологии, различных региональных и микроисторических научных практик, психоистории, культурной (гуманитарной) географии, постколониального анализа, дискурсивных практик на изучение латиноамериканских сюжетов.

Эти пожелания являются не пунктами программы неотложной помощи (хотя некоторые из них применяются в качестве местной анестезии в среде немосковских латиноамериканистов), а, в большей степени, благими намерениями, реализация которых вряд ли возможна пока в российской латиноамериканистике сильна неосоветская инерция, а попытки дискуссии (будучи вытесненными на периферию) так и остаются попытками и возможностью публикации «для своих» статьи в ВАКовском журнале.

Кирчанов Максим Валерьевич – д-р ист. н., доцент Кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран Факультета международных отношений Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия)

Maksym Valerijovych Kyrchanoff (Kyrchaniv) – Doctor of Sciences in History, Associate Professor, Department of Regional Studies and Economies of Foreign Countries, Faculty of International Relations, Voronezh State University (Voronezh, Russia)

М.В. Курчанов

**Какая латиноамериканистика нам (не) нужна:
заметки вовлеченного маргинала**

Автор затрагивает методологические и теоретические проблемы латиноамериканистики в России. Анализируются проблемы несоветской инерции и рецидивы советского наследия. Автор полагает, что эти факторы играют негативную роль. Радикальный отказ от «советского» в научной традиции может стимулировать позитивные изменения в российской латиноамериканистике. Десоветизация может привести к теоретическому и методологическому обновлению, развитию региональных школ в российской латиноамериканистике.
Ключевые слова: латиноамериканистика, современная историография, не-советская инерция, методология, научное сообщество

Maksym W. Kyrchanoff

**What Latin American Studies do we need or not need:
notes of the involved marginal**

The author touches upon the methodological and theoretical problems of Latin American Studies in Russia. The of neo-Soviet inertia and Soviet legacy recidives are analyzed in the text. The author supposes that these factors play a negative role. The radical dismiss from «soviet» in scientific tradition can stimulate the positive changes in Russian Latin American Studies. De-Sovietization can lead to the theoretical and methodological update, development of regional schools in Russian Latin American Studies

Keywords: Latin American Studies, modern historiography, neo-Soviet inertia, methodology, scientific community

Библиографический список

Давыдов В.М. О тяготах жизни и лягушачьих лапках. В связи с обращением Б.И. Ковалёва «К друзьям ученым» / В.М. Давыдов // Латинская Америка. – 2013. – № 5. – С. 72 – 75.

Кирчанов М.В. Российское бразиловедение: между консервативной стабильностью, методологическим кризисом и маргинализацией / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность / ред. А.А. Слинько, сост. М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2010. – Вып. 6. – С. 84 – 94.

Кирчанов М.В. Советское бразиловедение в 1960-1970-е гг. и проблемы «большого» нарратива / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке. – 2013. – № 12. – С. 34 – 54.

Кирчанов М.В. Советское бразиловедение в 1980-е годы: запоздалый расцвет бразильских исследований в СССР / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке. – 2013. – № 13. – С. 60 – 78.

Кирчанов М.В. Современная отечественная латиноамериканистика: «второе издание» российского неомарксизма / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность / ред. А.А. Слинько, сост. М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2010. – Вып. 7. – С. 94 – 97.

Коваль Б.И. К друзьям-научникам. Откровенное письмо в духе самоиронии / Б.И. Коваль // Латинская Америка. – 2013. – № 5. – С. 66 – 71.

Свобода у историков пока есть. Во всяком случае – есть от чего бежать. Беседа Кирилла Кобринина с Павлом Уваровым // Неприкосновенный запас. – 2007. – № 55. – (<http://www.polit.ru/research/2008/01/30/uvarov.html>)

Яковлев П.П. О реалиях научного бытия. К обмену мнениями между коллегами-латиноамериканистами / П.П. Яковлев // Латинская Америка. – 2013. – № 6. – С. 33 – 35.

Политические изменения в Латинской Америке

Научный журнал
2014, № 1

ISSN 2219-1976

Электронная версия

394068, г. Воронеж
Московский пр-т 88
Воронежский государственный университет
Факультет международных отношений